СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

ДОЛИНА СМЕРТИ

Сергей Трофимович Алексеев
Долина смерти

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121631
Долина Смерти : [роман] / Сергей Алексеев: АСТ : АСТ МОСКВА; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-050986-7, 978-5-9713-7462-6, 978-5-17-050977-5, 978-5-9713-7463-3

Аннотация

Старшего разведчика майора Поспелова с первого года службы преследовал рок: что ни операция – то труп. И стреляет-то не целясь, а у противника – смертельное ранение. В конце концов начальство решило перевести его от греха подальше – в особый отдел по чрезвычайным ситуациям, в арсенале которого только радиотехнические приборы, химикаты и средства связи. Да и если стрелять придется, то не в людей, а… в призраков. Поспелов получает задание выяснить, что происходит в Долине Смерти – загадочной зоне на территории Карелии, где во время Великой Отечественной войны при невыясненных обстоятельствах погибли два полка – советский и фашистский, а в наши дни исчезают машины и вертолеты вместе с пассажирами, да так, что ни следов, ни обломков…

Содержание

1 4
2 18
3 54
4 74
5 90
6 108
7 127
Конец ознакомительного фрагмента. 156

Сергей Алексеев
Долина смерти

1

Чистилище это называлось аттестационной комиссией, заседало в бывшей Ленинской комнате, и, должно быть, поэтому члены ее выглядели, как один общий собирательный портрет Ильича: кто хмурил бровь, читая газету, кто хитровато щурился, взирая на жертву, к этому случаю обряженную в мундир с погонами, кто улыбался, задумчиво и мечтательно черкая по бумаге. И всех мучила жажда, поскольку заседатели слишком часто прикладывались к стаканам, потягивая боржоми.

Вообще-то на такой комиссии, попросту говоря, «рубили головы» оперативному составу, и Поспелов напоследок думал не о судьбе своей, не о прошлом и будущем, а о своих «палачах».

Команда в общем-то была знакомая, почти с каждым когда-то приходилось сталкиваться по службе, однако после десяти минут наблюдения выяснилось, что управляет ею не председатель в чине генерал-лейтенанта, а коренастый живчик из Администрации президента. Несмотря на молодость свою, он как опытный кукловод дергал ниточки, и окру-

жавшие его матерые полковники, прожженные разведчики и контрразведчики поднимали руки по его команде. Безответными к его замечаниям оставались лишь два человека – прокурор по долгу своей службы и непосредственный начальник Поспелова, сухой и колючий от недосыпа полковник Луговой. Правда, члены комиссии пытались создать видимость некоего суда, копались в причинах выдвинутых обвинений, а генерал от ветеранов даже возмутился, что старший разведчик майор Поспелов за десять лет службы шесть раз представлялся к орденам, но ни разу не был награжден. Однако невзрачный с виду и могущественный куратор от президентской администрации и его урезонил, обернув обыкновенную несправедливость в заслугу вышестоящего руководства. Тут с ним даже прокурор согласился, заявив, что над аттестуемым офицером висит рок и ему никогда не следует брать в руки оружие: что ни операция, то труп, а то и не один… Комиссия осталась совещаться, а Поспелова отправили ждать приговора, и он с удовольствием покинул чистилище, переглянувшись с Луговым – тот сделал знак не уезжать.

Он и сам чувствовал этот рок, повисший над ним чуть ли не с первого года службы. Иногда до физического ощущения дыхания в затылок, навязчивого желания оглянуться. Обычно после операций, которые заканчивались перестрелкой и трупами, прокурор являлся к Луговому и молча садился за приставной стол, выкладывая пока еще тощую папку.

– Что? – угрюмо спрашивал Луговой. – Наш пострел и здесь Поспел?

– Ваш Поспел и здесь пострел, – поправлял его прокурор. – Вот заключение баллистической экспертизы…

Бывало, при задержании вооруженных группировок палили все опера, но извлеченные потом медиками пули оказывались выпущенными из оружия Поспелова.

Несомненно, это был рок, и прокурор знал, что говорил, ибо за свои сорок пять лет доживал вторую жизнь. Когда-то он считался классным военным летчиком, пилотировал сверхзвуковые истребители-перехватчики и, побывав на небе, должно быть, узрел оттуда, что всяким человеком управляет судьба и случается с ним то, что на роду написано. Говорят, он катапультировался над Саянской тайгой после отказа двигателя, несколько дней блуждал по горам, сильно обморозился и, получив «белый билет», закончил юридический и подался в прокуратуру.

Судьба дохнула ему в лицо саянским морозом, а Поспелову – зноем неожиданно жаркого лета в Брянской области, где два года назад он завершал операцию с торговцами оружием.

Все тогда было спланировано и отработано, оперативная информация поступала каждые полтора часа, контролировалось не только передвижение «объектов», но даже всякий человек, случайно вошедший с ними в контакт. Рискованным и опасным этим бизнесом занимались не самодеятельные бандюги, по какой-нибудь очередной амнистии выпу-

щенные на свободу, а почти профессионалы – уволенные из армии офицеры самых разных родов войск вплоть до пограничных, к тому же некоторые из них прошли Афганистан. Эти знали, как перевозить свой товар чуть ли не через полстраны, обходя все посты и заслоны, умели маскироваться, имели представление об агентурной работе спецслужб и милиции, отлично владели системой связи.

Судя по оперативной информации, неприметная рыботорговая фирма, организованная частными лицами, прогнала уже две машины с оружием из Прибалтики в район Северного Кавказа.

Сейчас же по дорогам через Белоруссию двигался целый караван – три «КамАЗа»-морозильника с оперативным сопровождением из двух легковых машин с транзитными номерами, которые якобы перегоняют из Германии. Летучий этот эскадрон одновременно вел и разведку безопасности трассы, и прикрытие тыла и мог при необходимости вступить в бой с группой захвата, чтобы дать возможность каравану рассеяться и скрыться: в изрядно потоптанных, но свежепокрашенных «Жигулях» пятой модели находилось по четыре вооруженных человека – и тоже все бывшие защитники Отечества. О том, что морозильники сопровождает эскорт, стало известно незадолго до завершения операции; по всей вероятности, «эскадрон» приставили уже на дорогах между Минском и Гомелем, а захват каравана планировалось провести на подъезде к городу Новозыбкову, уже на россий-

ской территории, где вставшие на ночную стоянку «КамАЗы» вместе с оружием должны были перейти в собственность покупателя. В морозильниках в каждом третьем ящике в ледяные глыбы из скумбрии были вморожены автоматы, патроны в цинках, гранаты к гранатометам, запаянные в пластик противотанковые мины – даже по самым приблизительным подсчетам хватило бы вооружить пару батальонов.

Настоящий продавец этой партии товара сидел в одном из прибалтийских государств, и видимо, очень высоко, поскольку разведка российских спецслужб пока не могла прорвать завесы многочисленных официальных прикрытий. Прокручивать такие сделки простой смертный, и даже очень богатый человек, был просто не в состоянии, чувствовался государственный уровень. Но покупатель оружия был налицо, с необходимой суммой денег в долларах, с кипой отлично изготовленных документов на автомобили и груз и крепко сколоченными легендами на предмет своего продвижения в сторону Кавказа. В прошлом он тоже служил офицером в группе войск в Монголии и после ликвидации базы и увольнения стал переправлять оставшееся на складах оружие на тот же Кавказ, только через Казахстан. Одним словом, был уже профессиональным торговцем смертью с четырехлетним стажем, и эта сделка для него казалась даже мелковатой, ибо ему случалось продавать из Монголии артсистемы и бронетехнику. Правда, в роли покупателя он выступал в первый раз. И в последний, поскольку сейчас си-

дел в оперативной машине Поспелова, пристегнутый наручником к специальной скобе.

Брать караван предполагалось в три часа десять минут на ночной стоянке, без особого шума и перестрелки, когда к утру притупится бдительность охраны и когда покупатель при расчете войдет в прямой контакт с продавцами: Поспелов с группой захвата из шести человек входил в «свиту» покупателя.

По последней перехваченной радиосвязи продавцы подтвердили этот план купли-продажи. Только умолчали о двух машинах сопровождения, вероятно, желая подстраховаться. Отслеженный наружным наблюдением «эскадрон» сильно осложнил задачу, требовались дополнительные силы, чтобы блокировать легковушки с пассажирами, отсечь их от стоянки и не допустить огня в спину. До развязки остается полтора часа. Морозильники уже на стоянке, и их водители доедают жареную рыбу и пьют чай. Любое промедление, смена места захвата – и можно упустить продавцов.

Наружка докладывала, что один «жигуленок» с транзитными номерами стоит сейчас на обочине в полукилометре от морозильников, тем самым контролируя тыл, а другой, красный, медленно движется в сторону Новозыбкова: что скажешь, разумно несут свою службу! Блокируй одного – сразу же будет тревога и непредсказуемые последствия.

Решение подсказал сам покупатель, пришлось поделиться с ним информацией об «эскадроне».

– Я так работать не привык, – сказал он. – Только система постоянного радиообмена с контрольными фразами и полное доверие. А если прибалты хотят меня «прокатить»? Я передаю деньги, а нам в спину стволы?

Покупатель отрабатывал свое право на жизнь, готов был сотрудничать на любых условиях и делал это старательно, инициативно – хорошо иметь дело с профессионалами в любой сфере.

– А ты продавцам так и скажи, – заявил Поспелов и подал ему радиостанцию. – Объясни им, как привык работать.

Он и объяснил, на что получил ответ от продавца, что уважает привычки (эти партнеры работали не в первый раз и знали друг друга в лицо), однако сопровождение все равно не уберет, поскольку еще на въезде в Белоруссию ощутил неясное пока предчувствие опасности. Оставалось единственное – брать «легкую кавалерию» за пять, максимум восемь минут до сделки. И так, чтобы не успели дать сигнал тревоги.

За двадцать минут до назначенного часа Поспелов приказал по радио снайперам занять свои позиции в районе автостоянки, предупредил наружное наблюдение и выехал на трассу. Дорога была почти пуста, редко в обе стороны погромыхивали тяжелыми грузовиками дальнобойщики. Самое нежелательное сейчас, если кто-либо из них вздумает встать на ночлег рядом с морозильниками и таким образом помешает снайперам по сигналу расстрелять колеса «КамА-

Зов», да и вообще ни к чему лишние люди на месте операции. Опасаясь утечки информации, решено было не предупреждать местную милицию и ГАИ – береженого Бог бережет. Где-то впереди оперативного микроавтобуса двигался грузовичок «Газель» с наружкой, сидящей на хвосте красного «жигуленка», а со стороны Новозыбкова из «Волги» вели наблюдение за второй машиной охраны. По графику они должны были совершить «рокировку» через восемь минут, разъехавшись в километре от стоянки, успеть поменять автомобили на другие марки и выходить уже на «боевой курс».

Через четыре минуты Поспелов попросил сбавить скорость, потому как впереди замелькали задние огни «Газели». И почти сразу же последовало сообщение наружки: «жигуленок» начало кидать по дороге, и он резко затормозил и встал возле «Шевроле», неожиданно появившегося на обочине.

В этот миг он и ощутил то самое жаркое дыхание судьбы…

Наружка, естественно, проскочила мимо, то же самое пришлось бы сделать и Поспелову, оставив негласную охрану продавцов у себя в тылу, но, подъезжая к силуэтам машин на дороге, микроавтобус неожиданно бросило на встречную полосу.

Едва удержав его на асфальте, водитель вынужден был затормозить – оба левых колеса оказались пробитыми во многих местах и шины спустили мгновенно. Едва не врезавшись в «жигуленка», машина остановилась, и в тот же миг у пе-

редних дверей выросли две фигуры в спортивных костюмах.

– Как вам не повезло, мужики! – весело сказал тот, что оказался возле водителя. – Сразу два! А вон и третье спускает.

– Хорошо тому живется, кто с колесами… ну? – спросил другой, заглядывая в кабину сквозь опущенное стекло. – Как будет в рифму? Стихи сочинять умеешь?

Это были натуральные разбойники с большой дороги, только нынешние выходили на промысел не с топором за опояской, а с «калашом» под спортивной курткой. И грабили они счастливчиков, купивших машины за рубежом: опознавательный знак – транзитный номер на стекле… А чтобы остановить их, рассыпали по асфальту нарезанную кусками колючую проволоку.

Возле «жигуленка» стояли трое, переговаривались с пассажирами, должно быть, торговались. Ситуация была непредсказуемой, дикой, хотя и возникшей естественным путем, волею судьбы. Негласная охрана продавцов прекрасно знала, на какой машине приедет покупатель, и наверняка имела инструкции отслеживать ее, но если «Шевроле» с разбойниками и «эскадрон» в сговоре и сейчас разыгрывают спектакль, то сейчас они навалятся все вместе. Откуда им знать, что в кейсе вместо денег – прилично выполненные «куклы». А в микроавтобусе – группа захвата, ряженная под шоферюг.

Медлить было нельзя, но и торопиться опасно!

– Включи-ка свет в салоне, горемыка! – весело попросил водителя разбойник.

– А глаза не заболят? – съязвил тот, ожидая сигнала от Поспелова.

– Посмотреть хочу, что это ты там везешь? – засмеялся «спортсмен» с большой дороги. – Вон как рессоры просели… – И для убедительности выставил ствол автомата из-под куртки.

– Да включи, пусть посмотрят, – вальяжно, с ленцой проговорил Поспелов и в тот же миг прижал горло разбойника к торцу приспущенного стекла дверцы. Надавил и сквозь хрип услышал отчетливый хруст гортани. Водитель удерживал своего «спортсмена» за шею локтевым сгибом, однако придавить сильнее мешал автоматный ствол. За спиной через заднюю дверь срочно десантировалась группа захвата.

Можно было этих двух устранить без шума! Стоящих у «жигуленка» разбойников слепили фары микроавтобуса. Но в «Шевроле» оказался еще один, который видел, что происходит у дверцы, за которой сидел Поспелов. Этот «запасной» выскочил наружу и закричал, поднимая руку. Казалось, выстрел ударил в лицо, но пуля щелкнула в лобовое стекло, осыпая брызгами осколков. Не теряя из виду троицу возле «Жигулей», Поспелов выпустил голову разбойника и вывалился наружу. Грабители среагировали молниеносно: по микроавтобусу полоснула очередь. А в салоне оставался покупатель, прикованный к скобе!

И в тот же момент по разбойникам открыли огонь из «Жигулей» и кто-то из группы захвата.

Поспелов начал стрелять в последнюю очередь, причем из пистолета и неудобного положения – перекатываясь по обочине. Бил вразброс по фигурам разбойников и охранников, головы которых хорошо виднелись в салоне «жигуленка», насквозь просвеченного фарами микроавтобуса. Обойма вылетела в пять секунд, и пока он перезаряжал пистолет, группа захвата уже была возле красной «пятерки», рвала двери, ныряла в салон через проемы опущенных стекол. Поспелов заскочил в микроавтобус – к счастью, покупатель остался живым, без единой царапины. А через минуту один из оперов доложил: в «Жигулях» все четверо убиты наповал, из шестерых «спортсменов» с большой дороги в живых осталось двое – те самые, что подошли к микроавтобусу и не попали под пули.

В тот момент некогда было не то что разбираться, но и думать, от чьих рук в считанные секунды боя навалено столько трупов. В голове Поспелова вертелась жгучая и одновременно холодящая мысль: успела негласная охрана предупредить своих коллег о внезапном нападении разбойников или не успела?

Потом оказалось, успела! И это было на руку: на помощь своим уже неслась вторая машина «эскадрона», а на автостоянке с морозильниками пока не ощущалось никакой тревоги – так докладывала наружка. Теперь предстояло изо

всех сил лететь к продавцам, оставив засаду возле машин со спущенными колесами. В разбойный «Шевроле» втиснулось пять человек из группы захвата, считая Поспелова, шестым – покупатель. Приближаться на незнакомой, неизвестной продавцам машине к стоянке было опасно, а предупредить их – значит вызвать еще большую настороженность, сорвать срок и место операции, а до назначенного часа остается семь минут.

Разумеется, оставшаяся от «эскадрона» негласная охрана сама доложит продавцам о стычке на дороге, но это произойдет позже, когда покупатель со свитой будут уже на стоянке: по расчету второй «жигуленок» прибудет к своим на выручку не раньше трех часов пятнадцати минут. К этому времени команда «водителей» с морозильников должна лежать в наручниках…

От раскаленного за день и не остывшего еще асфальта несло жаром, как от печи, горячий ветер иногда бил в лицо, напоминая о дыхании судьбы. Последний радиообмен между покупателем и продавцами состоялся в три часа шесть минут – все еще было в порядке! Но буквально через минуту наружка доложила: «КамАЗы» на площадке одновременно запустили двигатели! Пришлось рискнуть и «возмутить» покупателя.

– Нахожусь в пределах видимости, – сообщил он. – Что там стряслось у вас?

– Не приближайся, – предупредили продавцы. – Проез-

жай мимо, встреча не состоится, неприятности у моих людей. Оставайся на связи. Условия новой встречи сообщу.

Поспелов подал сигнал снайперам – дырявить колеса, приказал выключить на машине все освещение. На стояночную площадку вкатились в полной темноте, «КамАЗы» включили фары и высветили «Шевроле» в самый неподходящий момент, когда группа захвата выпрастывалась из тесного салона, раскатываясь по горячему асфальту.

Не зря сказано – человек предполагает, а Бог располагает… Запланированная бесшумная операция превратилась в обыденную, злую перестрелку с последующим штурмом грузовиков. Из шести продавцов, бывших на морозильниках в качестве сменных водителей, живыми удалось взять только двух. И то один был ранен в лицо, а второй отлежался на полу кабины и сдался сам, поскольку являлся агентом спецслужбы России и на такой случай имел соответствующие инструкции… В схватке на автостоянке Поспелов не расстрелял и магазина.

До этой операции с торговцами оружием старшего разведчика Поспелова не считали каким-то особо выдающимся стрелком. Однако после нее, несмотря на секретность проверки, проводимой спецпрокуратурой, потянулась неприятная слава человека, который якобы умышленно не берет преступников живыми. Этакий мститель, разуверившийся в законах и правосудии…

А он вовсе и не собирался мстить тогда, но отчетливо

ощутил, как его рукой водила судьба: из двенадцати убитых в перестрелках во время операции девять получили смертельные ранения от пуль, выпущенных из пистолета Поспелова…

2

Самолет Ан-2, наполненный пожарной десантурой, взлетел с базы у села Покровского в половине десятого утра и лег на курс в зону патрулирования. Лето в Карелии стояло жаркое, сухое, за целый месяц не брызнуло ни одного дождя, и пересохший подстил в лесах напоминал хлебную корку каравая, только что вынутого из печи.

Дороги и проселки перекрыли для движения, существовал запрет выходить или выезжать в лес, однако такие меры помогали плохо: вездесущие туристы лезли в сопки, минуя заслоны. Пожар мог возникнуть не только от оставленного костра или брошенного окурка, но и от пустой бутылки, на солнце действующей как увеличительное стекло.

Карелия пока не горела, и потому авиалесоохрана занималась только патрулированием и отловом нарушителей-туристов. Весь световой день – а он был длинным! – две группы парашютистов, сменяя друг друга, часов по шесть болтались в воздухе без посадок и обеда. Самолет дослуживал свой век, прилично вибрировал, однако считался еще крепким, потому что двигатель и контрольная аппаратура выработали лишь половину моторесурса, а древний фюзеляж в этом году покрасили в броский красно-синий цвет. Привыкшая к нищете десантура, бывало, летала на таких обломках, что этот казался надежным и незыблемым, как русская печь. Пара-

шютисты – а их было шестеро в группе – после пятнадцати минут полета соловели и, расстелив спальные мешки на полу, укладывались вповалку. Бодрствовали всего два человека – пилот и летчик-наблюдатель, да и те по очереди кемарили в своих креслах, если над сопками висело ясное безоблачное небо.

В десантуру обычно попадали бывшие солдаты из ВДВ, молодые парни из местных, еще не потерявшие вкус к опасности и своеобразную романтику прыжка; само тушение пожара как бы отступало на второй план, являлось делом земным, крестьянским, где надо пахать часов по двадцать в сутки в прямом смысле, отбивая очаг возгорания от живого леса «минеральной» полосой. Когда начальство подбрасывало взрывчатку, упакованную в пластик, как сосиски, отбивали минполосы быстро и со вкусом, а больше прорубали широкие просеки, рыли лопатами или пускали встречный пал. Всего-то и удовольствия было – минуты три-четыре, пока летишь над тайгой под пестрым ярким куполом, причем удовольствия тщательно скрываемого, поскольку щенячий восторг не котировался и мог стать причиной унижений и насмешек среди бузотеров и горлопанов. Ловить кайф от прыжка позволялось втихушку. И все его ловили. При всем каторжном труде парашютистов считали лодырями и бездельниками: полетают летом, в пожароопасный период, месяца два, прыгнут раза по четыре-пять, а остальное время лежат, водку пьют, дерутся с местными парнями, в карты ру-

бятся, ножи, топоры, пилы, кайлы и даже ломы метают в стены своей конторы – болезненный атавизм, оставшийся после службы в ВДВ: метать все, что втыкается. И зарплату получают каждый месяц без задержек. На зиму так вообще расползаются по своим семьям и лежат уже до весны. И стаж у них идет, как на фронте, – год за два…

Они же славы о себе и не собирались развенчивать, спали себе по-братски, бок к боку в одной зыбке, висящей под небом, сопели, храпели, причмокивали, не мешая тем самым друг другу, ибо от моторного рева все равно ничего не слыхать. Сейчас двое из них – старший группы Лобан и Азарий, двухметровый парень, вес которого едва выдерживал основной купол, – были с перепоя, поэтому часто вставали воды попить; Паша недавно женился, проходил испытание медовым месяцем и на патрулировании спал беспробудно; трезвенник Тимоха этой ночью перекладывал печь у себя дома, точнее, ломал старую, и к работе даже сажу не успел отмыть на руках, так и дрых; молодняк – Шура с Игорем, еще армейские тельники не доносившие, приперлись на базу под утро с дискотеки в сельском клубе. Успели поплясать, помахаться, снять девочек-десятиклассниц и нацеловаться так, что и во сне продолжали обнимать парашютные сумки и чмокать оловянными губами. Начальник базы лесоохраны летнаб Дитятев тоже придремывал в пилотском кресле, приоткрыв форточку, но уже по причине другой, профессиональной, оправдывая поговорку «спит, как пожарник». По-

ка небо было чистым и светлым – горизонт, машиной управлял молодой пилот Леша Ситников, который еще не налетался после училища, не насмотрелся на затаеженные сопки сквозь блистающий круг винта, и душа его еще не накричалась, сдавленная восторгом – «Лечу! Мать ее так, лечу ведь, лечу!»

Дитятев в тридцать семь лет готовился на пенсию и потому штурвал принимал, только когда на горизонте замечался сизый дымок. А вообще-то он и во сне уже видел себя «новым русским», поскольку собирался открыть частное предприятие по производству мебели из ценнейшей карельской березы и мелкослойной сосны. У него уже и станки стояли в сарае базы, закупленные в Финляндии, и лесу заготовлено полтысячи кубометров, который теперь выдерживался по дедовской технологии.

Только бы долетать последний сезон…

Шел пятый час патрулирования, пилот Леша подустал смотреть на горизонт сквозь темные очки и не сразу увидел со стороны своего командирского борта некий круглый плоский предмет, будто расстеленный на лысой вершине сопки. Было до него километров семь, и потому отчетливо просматривались лишь контуры и сероватый металлический блеск, будто от крыши из оцинкованного железа. Заинтересовавшись, Леша повернул машину к сопке. После разворота солнце оказалось за спиной и его лучи ударили в предмет, причем свет отражения был настолько сильным, что пилот

схватил «зайчика», как от сварки. В тот же миг повсюду до самого горизонта заплясали световые пятна и набежала слеза. Леша толкнул дремлющего летнаба, сказал по переговорному устройству:

– Гляди, что это там? По моему борту?

Дитятев открыл глаза, привычным взором обвел пространство.

– Фигня какая-то… Зеркало, что ли?

– Ничего себе зеркало! Полста метров, – засмеялся пилот. – Смотри, смотри, она еще и распускается!

– Металлизированный полиэтилен, – определил летнаб. – Классная штука, если толстый. Палаток можно нашить!.. А тут на целый ангар хватит!

– Да ты гляди! – заливался от восхищения Леша. – Она же распускается, смотри! На цветок уже похожа!

– Да это же туристы! – ахнул Дитятев. – Вон, бегают!.. Лешка, давай на боевой!

А сам подозвал из пассажирского салона старшего группы: шли обратным курсом, поэтому можно было выпустить двух-трех парашютистов, чтобы собрали этот полиэтилен и составили протокол. Половина штрафа отчислялась непосредственно группе, а сумма его со всеми накрутками была просто драконовской. Если там внизу отдыхала богатенькая дикая турбанда – эвон, полсопки затянули пленкой! – можно заработать самим, дать немножко Родине и наказать нарушителей.

Старшой Лобан натянул наушники СПУ.

– Сначала им депешу с разъяснением, – мудро сказал летнаб. – Чтоб потом в суде, курвы, не вертелись.

Старшой проспался, глаза опухли от выпитой воды. Он обладал уникальным здоровьем и феноменальными способностями тибетских монахов – сказывалась восьмилетняя работа в десантуре. Лобан усилием воли понижал артериальное давление после пьянки, когда наутро врач проводил осмотр перед вылетом, регулировал частоту пульса и хвастал, что сможет остановить сердце, если, конечно, захочет. Хвастун и трепло он был великое, наврать мог что угодно, и все на голубом глазу, но эксперименты со своим организмом и вправду проводил блестяще. Доктор нюхал жуткий перегар, видел красные похмельные очи старшего группы и никак не мог снять его с борта. Лобан уже начинал страдать комплексом пьющего человека и в трезвом состоянии проявлял беспредельную инициативу, деловитость и сообразительность.

– Слушаю, шеф!

– Вымпел к бою, – распорядился летнаб.

Старший группы приготовил пластиковую бутылку с листовкой, с привязанным к ней грузом и длинным хвостом кумача, пристегнулся фалом и, пробравшись к выходу, распахнул дверь. От ветра вся команда проснулась, завертели головами, щурились на свет. Дитятев взял управление на себя, сделал разворот и пошел чуть ли не в пике на сверкаю-

щий предмет.

– Никакой это не полиэтилен! – вдруг сказал пилот Леша. – Смотри, он же в клеточку! А это не наука какая-нибудь?

– Откуда здесь наука? – буркнул летнаб и подал сигнал готовности Лобану.

Блестящий круг пронесся внизу, и в наушниках вякнул старший группы:

– Вымпел пошел!

– Приготовь Тимоху! – распорядился Дитятев. – Да чтоб ручку взял! А то опять углем протокол напишите!

Он заложил круг, зашел на объект от солнца и положил машину на боевой курс. Это была испытанная и продуктивная тактика – сначала выбросить одного десантника вроде бы с пристрелочным прыжком и улететь из зоны видимости турбанды. А когда она, увидев единственного десантника, обнаглеет или рванет в бега, высыпать ей на голову еще двух-трех. А в протоколе отметить, что во время задержания оказали сопротивление – штраф автоматически увеличивался вдвое.

Тимоху обряжали всей командой, натягивали специальную защиту, чтобы прыгать на лес, застегивали лямки, проверяли подвеску, охлопывали и оправляли, таким образом сочувствуя товарищу. Летнаб знал, что делает Тимохе подлянку: у него дома печь разобрана, грязь в избе, жена Ольга запилит. На базу-то он вернется не раньше чем через сутки!

Но трезвенника Тимоху невозможно было подкупить, напоить, а значит, нарушителям не избежать протокола. Он был настойчив и привязчив хуже самого зловредного мента.

Приближаясь к лысой сопке, Дитятев вдруг обнаружил, что блестящий предмет сильно потемнел, налился свинцовой серостью и стал медленно сокращаться. А рядом уже не было ни одной человеческой фигурки. Разбежались они, что ли? Но почему тогда так быстро уменьшается площадь круга?

– Тимофей, пошел! – приказал летнаб и, дождавшись, когда парашютист сиганет в открытую дверь и откроет купол, передал управление пилоту, взял радиостанцию «комарик» – портативный прибор, умещающийся в руке.

– Ну ты и удружил, шеф! – первым делом передал свою обиду Тимоха. – Я только печь разломал…

– Постараюсь сегодня пригнать вертушку, – пообещал Дитятев. – Что там под тобой?

– Хрен знает… Ничего!

– Как – ничего? – Самолет ушел к соседней сопке и теперь делал правый разворот – задний план был полностью закрыт.

– Ни дыма, ни огня… И на кой ляд ты меня выпихнул?

Похоже, Тимоха еще не проснулся и предмета на земле не видел.

– Смотри, там полотнище такое блестит и люди бегали, – указал летнаб. – Ищи их и рисуй протокол.

– Лысина пустая, шеф, – через минуту сообщил Тимоха. –

Хорошо вижу… Даже ягель не тронут.

Пилот Леша развернул машину, и Дитятев увидел купол Тимохи, медленно плывущий над сопкой. Вершина ее действительно оказалась чистой…

Десантура таращилась в иллюминаторы.

– Где же эта хреновина? – возмущенно спросил Леша. – Растаяла, что ли? Оптический эффект?

Внезапно с опушки лысины повалил густой багровый дым, прорезался всполохами белого огня, словно замедленный, ленивый какой-то взрыв. И сразу же вспыхнули крайние деревья от корня до макушек.

– Вот тебе и оптический эффект, – недовольно сказал Дитятев. – Вызывай базу! Подожгли, суки! А что еще!

Купол Тимохи все еще болтался в воздухе, словно приклеенный к голубому небу.

Умышленные поджоги в пожароопасный период случались часто за последние годы, особенно на нефтепромыслах Тюмени и в Якутии, куда карельскую десантуру гоняли в командировки. Несколько раз огонь вспыхивал вот так же, на глазах у патруля, видны были и сами поджигатели, их машины и моторные лодки, но поймать никого не удавалось. Хотя по сигналам лесоохраны на место происшествия немедленно вылетали бригады ОМОНа и спецгруппы ФСБ, блокировали районы, прочесывали окрестности, злоумышленники всякий раз уходили безнаказанными.

– Лобан, готовь всю группу! – распорядился летнаб и по-

звал по «комарику» Тимоху. – Теперь-то что-нибудь видишь?

– Да пусто кругом, на что смотреть-то? – недовольно отозвался тот.

– Пусто? Сейчас задницу поджаришь! Развернись на север!

– Развернулся, и что?

– Огонь видишь?

– Ну и шуточки у тебя, шеф! Кончай травить! При на базу и гони вертушку! – разозлился Тимоха. – Что в самом деле-то?..

– Смотри лучше-то! Глаза разуй! – закричал Дитятев.

– Я смотрю, на какую бы сосну повеситься, – невозмутимо отозвался парашютист. – Внизу курумник – ноги сломаешь. Мне твои дрючки слушать некогда, привет!

– Чего он, ослеп?! – возмутился летнаб.

– Шеф, связи с базой нет, – вместо ответа сказал пилот Леша. – По всем каналам жуткие помехи.

– Как всегда, не понос, так золотуха! – ругнулся Дитятев. – Ложись на боевой, я пошел выпускать группу.

Деревья на опушке полыхали ярко, со странным белым дымом: похоже, горела какая-то химия. Тимоха на миг скрылся в облаке вместе с куполом и когда вновь открылся взору, то уже висел на высокой, разлапистой сосне, накрыв парашютом половину кроны. Причем рядом с горящими деревьями!

– Он что? Крыша поехала? – тыча пальцем в иллюминатор, прокричал Лобан. – Сожжет купол!

Иногда от лени, чтобы не ползать по каменистой тайге с грузом, десантура норовила приземлиться поближе к очагу. Тимоха же вконец обнаглел! И в самом деле, от излучения парашют мог вспыхнуть в любой момент. Или сплавиться, скомкавшись и расползаясь дырами. При нынешней бедности на счету был каждый купол, со складов подопревшее старье вытаскивали…

Самолет шел уже по боевому курсу, в салоне вспыхнул световой сигнал, включенный по расчетному времени, и десантура столпилась у открытой двери, тяжелая, толстая от снаряжения, неповоротливая. Первыми прыгнули молодые Шура с Игорьком, за ними молодожен Паша и тяжелый Азарий – машина сразу подскочила вверх на несколько метров. Последним сиганул Лобан.

Летнаб затворил дверь. Со следующего захода следовало выбросить «мабуту» на грузовом парашюте и мешок с продуктами на стабилизации. Он придвинул груз к двери, зацепил карабином вытяжной фал. В этот момент заработал «комарик».

– Шеф! Шеф! Ну, блин, какая тут потеха! Человечки какие-то бегают! – с восторженным страхом закричал Тимоха. – Мужички! В скафандрах!

– Где бегают? – бросаясь к иллюминатору, спросил летнаб.

– Подо мной! Метр с кепкой! Зелененькие! Я с дерева не слезу!

– Ты что, перегрелся? – вдруг заорал Дятитев, отчего-то мгновенно покрывшись испариной и одновременно гусиной кожей. – Тима? Тимофей!

Земля больше не отвечала. Летнаб втиснулся в кабину, взял управление.

– Вызывай базу!

– Связи нет, постоянно вызываю. – Леша почему-то слегка побледнел, верно, первый раз в острой ситуации попал в зону радионепроходимости и вместе со связью терял присутствие духа.

– Сейчас будет! – Дитятев потянул штурвал на себя и прибавил оборотов. Стрелка высотомера поползла вверх. Пока набирал высоту, заметил, как десантура один по одному развешивалась на деревьях вдоль опушки – тоже не хотели далеко улетать от пожара. Связи не было и на тысяче метров, помехи, кажется, сгустились еще больше, в наушниках стоял сплошной раскатистый треск, как во время грозы. Летнаб махнул рукой, приказал пилоту ложиться на боевой и пошел выпихивать груз. Дым клубился над лесом, переливался, таял от внутреннего свечения, но облако отчего-то не разрасталось и, сохраняя прежний объем, висело на одном месте, хотя над землей тянул ветерок метров пять в секунду. Эту странность он заметил, когда отправил грузовой парашют.

– Тимофей? – позвал по «комарику» летнаб – рация была

только у него. – Тимоша? Сейчас мужики тебя снимут. Ты что, стукнулся? Слышишь меня?

– Слышу, – отозвался Тимоша. – Голова болит, кружится…

– Ударился? Головой ударился?

– Нет… Я умираю, шеф, – невнятно забормотал тот. – Все, отпрыгался… Шеф? Шеф!.. Печь разломал… Помоги моей бабе… Ребятишки зимой перемерзнут…

– Тима? Тимошка?! Я сейчас вертушку пригоню! Терпи, братан! – чувствуя непонятную тоску, прокричал летнаб. – Только отрезаться не вздумай! Стропы не режь! Мужики снимут! Они рядом с тобой сели!

– Шеф! Гляди! – заорал пилот Леша, подавшись вперед. – Где огонь? Огонь исчез! И дыма нет!

Там, где только что клубилось облако и полыхали сосны, был совершенно чистый и прозрачный воздух. Как повсюду. И деревья вышли из пламени, не потеряв ни сучка, ни хвоинки – ветерок буравил зеленые кроны… Шесть куполов, развешанные по крайним соснам, трепетали, как угасшие паруса, и только грузовой приземлился точно в центр каменистой лысины, вытянулся по ветру и лениво всхлипывал, уползая к лесу.

– Мы что, все белены объелись? – неведомо кого спросил летнаб. – Померещилось, что ли? Ну уж хрен! Моим глазам не мерещится!

Он снова взялся за штурвал, заломил лихой вираж, вы-

ровнял машину и резко бросил ее к земле. Сквозь блистающий круг винта он старался рассмотреть, что происходит на опушке: по времени десантура должна была уже отстегнуться от куполов и спуститься с деревьев. У каждого был специальный фал-спасатель: привязал к стволу или за прочный сук и в три секунды слез.

Парашютисты все еще болтались на деревьях, как мухи в тенетах. И, кажется, даже не делали попыток спуститься. Двух он рассмотрел точно: лес вдоль залысины был редким и легко пробивался солнечными лучами. Самолет пронесся в двадцати метрах над вершинами сосен. Летнаб потянул ручку газа и стал набирать высоту, намереваясь сделать еще один заход.

– Хреново дело! – проговорил с внутренней дрожью. – Связь! Связь давай!

Пилот Леша, кажется, «поплыл»: белые губы, ноздри, кожа на лице натянулась, словно у покойника, выступила молодая щетина на щеках и рот уже не закрывался.

– Леша? Ситный друг? Ты что, в штаны наделал?

Пилот потряс головой, что-то сказал, забыв нажать кнопку СПУ на штурвале. По губам понял летнаб: спрашивал, куда делся огонь…

– Никуда, Леша, – ласково проговорил он. – Погас огонь! Сам потух! Бывает и такое. Сам загорается, сам и гаснет. Под Божьим оком ходим. Бери штурвал, Леша, поехали на базу. Сейчас вертушку мужикам пригоним. Огня нет, что им

там делать?

Вроде бы заговор на пилота подействовал – поозирался, положил руки на штурвал, ноги поставил на педали. Дитятев продолжал наговаривать, содрогаясь от внутреннего холода:

– Вот молоток! Вывезем десантуру – водочки купим, попьем, на танцы сходим, девок снимем. В Покровском девки красивые… Ты что с мужиками на танцы не ходишь? Не бойся, они в обиду не дадут. Они у меня по сорок человек команды разгоняли. Наденут тельники и – вперед. Выйдем из зоны – связь наладится. А связь наладится, так мы вертушку сразу сюда погоним…

Он еще боялся полностью отдать управление пилоту и контролировал положение штурвала. Набирали высоту, уходили от злополучной сопки на северо-восток, в сторону базы; забалтывая Лешу, Дитятев и себя забалтывал, поскольку все сильнее и сильнее ощущал в груди ледяной стержень.

Глянув на приборы, он почувствовал холод и в затылке: стрелка компаса вертелась волчком, точно так же крутился шарик плавающего компаса, остановились бортовые часы, упала на нуль стрелка тахометра, хотя двигатель работал без всяких перебоев. И горючего было нуль…

Потом зажглась лампочка пожарной тревоги и словно пробудила пилота Лешу.

– Шеф, мы же горим! – объявил он. – А что приборы так… пляшут?

– Где ты видишь огонь? – пытался сохранить спокойствие

летнаб. – Двигло не горит, дымного следа нет…

– Может, прыгнем, шеф? – Он стал щелкать триммерами управления.

Дитятев ударил его по руке:

– Спокойно, Леха! Набираем высоту! Приборы – ерунда, бывает. Машина старая. Может, в магнитную воронку попали. Знаешь, бывают такие, как на воде…

– Не ври, шеф! – лишенным страха, совершенно трезвым голосом закричал Леша. – Мозги не пудри! Прыгать надо!

Он стал пристегивать лямки спасательного парашюта, болтавшиеся на ручках кресла, торопился, получалось вкривь и вкось…

– Попробуй связь! – хотел отвлечь его Дитятев. – Может, появилась…

– Нет связи! Как только потерялась – все понял. Я все понял!

– Что ты понял? Дуралей…

Леша приподнялся в кресле и боком, вниз головой вывалился из кабины в салон. Сорвавшиеся с его головы наушники хлестанули летнаба по лицу.

– Назад! Назад, сказал! – рявкнул он. Но даже обернуться не мог, словно пригвожденный к креслу этим заиндевелым стержнем.

Пилот уже открыл дверь и висел в проеме, обдуваемый ветром. И был почему-то в одних носках…

Дитятев не видел, как он прыгнул. Каким-то странным

образом пошло время толчками, пунктирной линией. Потом, кажется, и вовсе остановилось. Краем глаза он заметил, что в салоне уже никого нет и некому закрыть дверь… Не выпуская штурвала, он попробовал включить триммер, однако что-то сломалось или он сам что-то делал неправильно – плохо слушались пальцы. Потом хотел набросить на плечи лямки парашюта, но вдруг увидел впереди, прямо по курсу, взлетно-посадочную полосу: белесые прямоугольники бетонных плит уходили к горизонту и, нагретые за день, исходили колышащимся маревом…

Поспелов давно чувствовал, что из родного отдела надо куда-нибудь уходить. Тучи над головой сгущались с нарастающей силой после каждой операции, в результате которой появлялись трупы. Специальный прокурор выносил вердикты о правомочности применения оружия и всякий раз задавал один и тот же вопрос:

– Почему преступников у нас судит не суд, а старший разведчик Поспелов?

А потом, когда случалось встретиться один на один, говорил мягче, но зато определенней:

– Уходи ты куда-нибудь в дежурную часть! Не видишь, над тобой висит рок. Тебе нельзя стрелять. Судьба, брат, вещь серьезная.

Спецпрокурор исповедовал религию фатализма. И был прав, когда после очередной операции с крупной перестрел-

кой между спецслужбой и охранниками банка оказалось сразу два трупа, и в обоих обнаружили пули от автомата, принадлежащего Георгию Поспелову. Тогда ему влепили выговор, хотя вердикт был прежний – правомерно.

Последней каплей стало задержание двух человек, которые выносили из здания правительства коробку с полумиллионом долларов. Обошлось без стрельбы, однако личности эти оказались из команды президента, поднялся невероятный шум, потому что спецслужбы вторглись в некую заповедную зону, предали огласке запрещенную тему и за это поплатились. Поспелова отправили на аттестационную комиссию, где выплыл еще один странный факт – телефон Поспелова оказался в записной книжке погибшего журналиста Морозова. Объяснить, как и почему, можно было, но никто бы не поверил. Поэтому старшего разведчика майора Поспелова вывели за штат.

Проболтавшись месяц с пользой для дела – разменял квартиру и разъехался с бывшей женой, – Георгий вдруг получил короткую депешу от Лугового. Телефона по новому месту жительства не было и пока не предвиделось. Бывший начальник сообщал, что через недельку вернется из командировки и непременно встретится с ним по поводу работы. Поспелов воспрял, суеверно загадал желание и поклялся себе, что на новой службе, какая бы она ни была, он не будет никогда стрелять, замечать какие бы то ни было манипуляции с коробками, чемоданами и прочими объемны-

ми предметами, а также давать согласие на помощь даже самым талантливым журналистам. Никто не знал, что Морозов получил номер домашнего телефона Поспелова через однокашника Витю Егоршина, сотрудника особого отдела в Западной группе войск. А получил для того, чтобы в нужный момент обратиться за помощью по разминированию некоей важной посылки, о содержании которой Поспелов тогда не знал. И догадался, лишь когда заминированный кейс рванул в руках у журналиста, слишком торопливого и самоуверенного. Те, кто посылал ему важные документы, разумеется, себя обезопасили, установив в кейсе довольно простой самоликвидатор, чтобы ни одна бумажка не попала в чужие руки. И адресат был проинструктирован.

Телефон Поспелова остался в книжке невостребованным…

Итак, не стрелять, не замечать, не помогать!

Встреча с Луговым несколько поубавила пыл: бывший начальник отыскал место в отделе, который занимался стихийными бедствиями, чрезвычайными ситуациями и авариями. От наводнений до землетрясений и вулканических извержений. Можно было представить себе будущую работу…

– А тут ошибки нет? – кисло спросил Поспелов. – Может, там разведчик недр требуется?..

– Топай к Зарембе и не ломайся, – приказал Луговой. – Он уже и с кадрами вопрос решил. Ты ему подходишь по всем статьям, обещал немедленно включить в работу… От-

дохнешь там годик-другой, назад выцарапаю.

Полковника Зарембу Георгий знал весьма относительно, и то лишь потому, что Александр Васильевич был чуть ли не чистокровным цыганом, носил соответствующее прозвище и придерживался соответствующего имиджа, в оперативную свою молодость украсив зубы золотыми коронками. Те, кто поддерживал с ним более близкие отношения, говорили, что это невероятно веселый и добродушный человек, мастер камуфляжа, перевоплощений и мистификаций, между прочим, доктор технических наук и, естественно, страстный поклонник конного спорта.

Топая по коридорам и лестницам, Георгий внезапно встретил на пути спецпрокурора, приложившего руку к судьбе старшего разведчика.

– Ну как? – спросил тот участливо. – Ты, брат, извини, но я рекомендовал на комиссии из чистых побуждений. Тебе во благо. По такой ты кромочке ходил – дух спирает. Не раз могли подставить. Ты у бандюг был на заметке, и еще кое у кого… Они бы тебе подкинули пацана с игрушечным пистолетиком, а мне бы пришлось тебя усаживать лет на десять.

– Спасибо за заботу, – довольно откровенно сказал Поспелов. – Я учел. Иду вот наниматься к Зарембе. То ли жокеем, то ли вулканологом.

– Во, это как раз для тебя в нынешней ситуации! – одобрил законник. – Но скажи ты мне, брат, как все-таки твой телефончик очутился в записной книжке журналиста?

Перед этим нельзя было валять ваньку и прикидываться лохом…

– Через бывшую мою супружницу очутился, – подкинул свою версию Георгий. – Она же вращалась в тех кругах – журналисты, художники, писатели. Думаю, где-нибудь в Домжуре пересеклись, вот и сунула телефон.

– А что, сама не помнит? – не поверил законник. – Имя-то известное…

– Известным-то стало после взрыва, – отпарировал Поспелов. – А до – кто его знал? Кто видел на лице его печать судьбы?

– Резонно, – удовлетворился фаталист.

В кабинете Зарембы вместо портрета очередного вождя над головой висела лошадиная морда – нервная, точеная головка в сплетении кровеносных жил под тонкой кожей.

– Бахталы, рома! Бахталы, дорогой! – засверкал золотом зубов и маслом темных глаз необычный полковник. – Как ты мне нужен! Я без тебя – голый король, некованый жеребец на льду. Садись, говорить будем, пиво пить будем, настоящей воблой закусывать.

Видимо, от пива под малиновым жилетом Зарембы колыхался «трудовой мозоль», добавляя ему солидность цыганского барона. Бутылки с темным баварским лежали в холодильнике штабелем, черные, припотевшие, как раз для первых жарких дней, выдавшихся в конце апреля. Георгий прикидывал, как потечет разговор – будет прощупывать, испы-

тывать настроение, расписывать свою службу, мыть кости начальникам; одним словом, типичная ознакомительная беседа, пусть даже разбавленная пивком и сдобренная воблой. Однако полковник зашел с другой стороны.

– Покажи-ка руки, – после первой бутылочки и пустячного диалога о сортах пива вдруг предложил Цыган. – Хорошие у тебя руки, крепкие, рабочие, жилистые… Знаю, личное дело смотрел. Ты же у нас родился в сельской местности, в колхозе рос, крестьянский труд знаешь. Коса, вилы в руках держатся… Или отвык?

– Да как сказать? – усмехнулся Георгий. – Давно не кашивал, давно не мётывал…

– А придется, Георгий! Придется вспомнить матушку-землицу, скотинку, хозяйство…

– Вообще-то я некоторым образом оперативник, – без навязчивого сарказма проговорил Поспелов. – Конечно, я не прочь вернуться в юность, раззудить плечо… Но на месяц, не более. Нельзя возвращаться туда, где тебе было хорошо.

– Тебе и будет хорошо! – подхватил Заремба и ловко вскрыл новую бутылочку. – Сам тебе завидую! Поживешь там – уезжать не захочешь. Поселю я тебя в места благословенные, сказочные. Отдаленно напоминает чем-то Швейцарию: горки, сосновые боры, речка с заводями, с кувшинками, а воздух! Сладкий воздух! – Он вылил в себя бутылочку пива, мечтательно воздел глаза.

– И что это за… места? – поинтересовался Георгий.

– «Бермудский треугольник». Натуральный, без лапши.

Заремба раздернул старомодные черные шторы, прикрывающие гигантскую карту, поманил пальцем и взял указку. Территория России и бывших союзных республик была испещрена цветными линиями, малопонятными значками, корабликами, самолетиками и вертолетиками, по всей вероятности, когда-то гробанувшимися.

– А находится он в стране с чудным названием – Карелия, – продолжал он, стуча по карте пикой указки. – Смотри сюда! Границы следующие: линия северо-западная – озеро Одинозеро – населенный пункт Верхние Сволочи. С северо-востока – Одинозеро – населенный пункт Нижние Сволочи. Ничего себе названия, да?.. Ну а южная – понятно: сволочная линия. Получается равнобедренный треугольник, ориентированный тупым углом строго на север. Площадью около полутора тысяч квадратных километров, целое государство влезет. Дорог – считай, что нет, одни направления, населенных пунктов без Сволочей всего четыре, и два из них – заброшенные села. Население – полторы старухи, так что глушь еще та, европейская. От Верхних Сволочей до финской границы – сорок верст.

Он замолчал и долго, мечтательно смотрел в «Бермудский треугольник», будто вспоминал что-то, но, так и не вспомнив, неожиданно усмехнулся:

– Кстати, по поводу названий… Там когда-то сволочи жили, мужики, которые тащили купеческие суда по воло-

кам – сволакивали. Одни вверху, другие – внизу. Землю, естественно, не пахали, только этим промыслом и жили. Короче, по-нашему – это бичи, бомжи, пролетариат. Можно себе представить, что это за народец был! Отсюда пошли и села, и ругательство… Сейчас они там не корабли сволакивают, а волокут все, что еще в совхозах осталось. А в сопках банды бродят, мародеры, собирают оружие на местах боев, зубы ковыряют из черепов…

Заремба достал свеженького пивка, раскупорил, но пить не стал, вдруг спрятал золотые зубы и сразу – словно солнце зашло – сделался хмурым, будто бы немного злым. Заговорил уже без карты, на память:

– В центре этой территории находится известная Долина Смерти. Место, скажу тебе, с виду экзотическое, с приятным ландшафтом, но по сути страшное. То ли предрассудки, то ли сознание… Если долго находиться там, попадаешь в тяжелейшее состояние: заторможенность, головные боли, потливость, угнетенная психика… Ты про Долину Смерти слыхал?

– Краем уха…

– Черепа там еще до сих пор под елками лежат да под сосенками. Не поймешь, чьи – наши, немецкие… А зубы белые-белые! Аж сверкают… Считают, что в этой долине погиб от холодов целый полк наших солдатиков. В одночасье замерз, будто открылся космос и дохнуло вселенским холодом. А экипированы были хорошо, в белых полушубочках,

в валенках, в ватных штанах. Клюкву на болоте собираешь – под мхом овчина. Отвернешь – косточки белые, и ни царапинки на них. Трехлинеечка, полный боезапас и в магазине – пять патронов. Не в бою погибли, понятно…

– А позы? – спросил Георгий, ощущая легкий холодок на затылке.

– Самые разные позы: кто сидел, кто стоял, кто лежал… – Полковник загнул воблину в кольцо и, положив ее на стол, принялся смотреть, как она медленно разгибается, пощелкивая чешуей. – Позы интереснее у немцев. По западному склону долины проходила их линия обороны. Траншеи в полный профиль, пулеметные гнезда, минометные батареи. И доты: крепчайший железобетон с бронеплитами. Немчуры-то там тоже с полк полегло. Понятно, под открытым небом звери да воронье косточки порастаскало, грибами сдвинуло, деревьями аж в воздух подняло. Сам видел скелет на березе… Я там с солдатиками-саперами ползал, и они нашли дот. Мхом так замаскировало – бугорок, да и только. Три амбразуры, и все изнутри задраены намертво. Дверь типа танкового люка… На следующий день привезли газорезку, вскрыли… Вот тут и увидели эти позы. Я понял, о чем ты: человек от холода принимает позу эмбриона как самую экономичную по расходу тепла. Цыгане так спят в своих шатрах…

Заремба улыбнулся мимолетно, одними зубами. Конечно, он интриговал и паузы выдерживал соответствующие, поэто-

му Георгий не поторапливал, стараясь слушать с выражением равнодушия, бывалой ленцой и искушенным взглядом.

– Не было там ни эмбрионов, ни цыган, – сдался полковник. – Одни немцы в летней полевой форме, четыре человека. Ефрейтор спал на нарах, шинель на ноги набросил, утепленные сапоги рядом, мыши побили… Два солдатика снаряжали патронами пулеметные ленты… Самое жуткое – ко мне спиной сидел офицер, как живой. Фуражка на голове, трубка полевого телефона возле уха… Я и успел-то всего сделать четыре кадра, общий план. Мы, идиоты, ошалели слегка, дверь нараспашку оставили… Через две минуты все рассыпалось в прах, в пыль! Косточки только сбрякали… Тепло у них было, даже жарко. Посередине дота чугунная печка, и труба выведена в гору, метров на семьдесят вверх, чтобы не демаскировать, и тяга была. Ладно, все от мороза сгинули, а эти-то от чего? Дров кубометра полтора заготовлено!

Вопрос так и повис в воздухе, словно солдатские останки в герметичном склепе дота. Конечно, любопытно было бы посмотреть эту Долину Смерти, поломать голову, что же там произошло на самом деле, но не более того! Все эти «бермудские» загадки существовали как бы вне сознания Поспелова, если не касались дела определенного и конкретного. Вместе с крахом коммунистической идеологии восстал черный столб всевозможной мистической дури, и вместе с ним – армия авантюристов, зарабатывающих хорошие бабки на дураках, полудурках и очарованных странниках. Но все это вме-

сте взятое было сферой бизнеса, лавирующего на грани криминала. Треугольник Зарембы относился к этой области, хотя вместо денег приносил головную боль: зарплату в подразделении Цыгана давали вряд ли за разгадывание кроссвордов времен Великой Отечественной. Солнцезубый этот человек что-то рыл там иное, к чему-то подводил очень важному, отчего Поспелов ощущал пока лишь угрозу, чувство опасности. Так человек обычно предчувствует грань жизни и смерти…

– Ну а если реально? – не сдержался и поторопил Георгий. – Прошу прощения, товарищ полковник, должно быть, вам известно: я обыкновенный тупой разведчик. Для меня важен факт и анализ факта. И ничего другого. Пока я не вижу смысла…

– Погоди, погоди, – остановил Заремба. – У меня служба специфическая. Это не стрельба, не погони… Я занимаюсь вещами более значительными по приложению интеллекта. У меня сотрудники не стреляют. Откровенно сказать, в тире только и держат оружие в руках. Я самый невооруженный представитель карательных органов. В моем подразделении – радиотехнические приборы, химикаты, средства связи, автотранспорт.

– В таком случае, Александр Васильевич, – несколько жестковато проговорил Георгий, – ничем не могу помочь.

Я бы не хотел пока терять навык и профессионализм разведчика, оперативника, одним словом. Работа с агентурой,

систематизация информации, анализ и, как следствие, конкретные действия.

– Все тебе будет, рома! – засмеялся полковник и как-то сразу успокоил. – По горло нахлебаешься! Говорю же тебе, натуральный Бермудский треугольник. Долина Смерти – прелюдия, как понимаешь, непреложный факт прошлого. А что в наше время там творится!

– И что же?

– Ты пиво-то пей, пей! На трезвую голову подобные вещи и воспринимать трудновато, и жить потом – тяжко… Пять лет колочусь, начальство плешь переело – ни с места. По три месяца сам с мужиками по треугольнику ползал, лучших агентов внедрял, на месте вербовал, отслеживал население – каждого сквозь сито! Радиотехникой все горки напичкал, видеоаппаратуру развесил чуть ли не на каждой сосне… А вертолеты пропадают. Как влетел в зону – даже обломков нет.

– Мистика, плохо искали, – уверенно заявил Поспелов. – Должен сразу оговориться: я – реалист, не верю ни в какую бредятину.

– А в Бога веришь?

– Трудно сказать… Когда гром грянет, бывает, перекрещусь.

– И то хорошо. Любишь жизнь?

– Люблю, – откровенно признался Георгий. – Все люблю: пиво, воблу жирную, от водочки не отказываюсь. Женщин

люблю. Музыку, хорошие сигареты, кофе, мясо, красивую мебель, автомобили…

– Рисковать любишь? Стрелять?

– Нет, не люблю. Из необходимости приходится… Крови терпеть не могу.

– Врешь, Георгий!

– Правда не люблю. В азарте сначала не замечаю, не думаю. А потом долго вспоминаю. И носилки, и лужи на асфальте. Почему так быстро сворачивается? Пять минут и – в печенку… Потому что асфальт холодный? Ткань умирает?.. Или время останавливается, когда умирает жизнь?

Заремба чуть ли не закричал, замахал бутылкой, зажатой в руке:

– Эй, Георгий! Не говори так! У тебя что, нервы слабые? Что ты говоришь? Поганая кровь! Потому и сворачивается! Гнилая, ядовитая…

– Ладно, забыли, Александр Васильевич. – Поспелов допил бутылку и открыл следующую. – Хорошее у вас пиво, веселое.

– Это не пиво, рома. Это с кем пьешь!

– Когда же начали вертолеты пропадать?

– С девяносто первого.

– А до того?

– Тишь и благодать. Изредка какой-нибудь диссидент драпанет через границу, так через месяц вернут, если до Швеции не добрался. Бывало, туристы блуждали и случайно

в Финляндию забредали… Ни одного эксцесса.

– А потом обвал?

– Не то чтобы обвал. – Заремба стал серьезным. – Я специалист в этой области, Георгий, без дураков. И мужики у меня зубы съели на авиакатастрофах. Они тоже в мистику-то не особенно… Все как-то постепенно начиналось, невзначай. Сначала боевая машина пехоты потерялась с тремя офицерами и водителем. Поехали на охоту в выходной день. Последний раз их видели в Нижних Сволочах. Выпившие были, водку в магазине требовали, а тогда еще по талонам давали. Им не отломилось, поехали куда-то по направлению к Рябушкину Погосту. Это брошенная деревня километрах в двадцати. И все. Больше их никто не видел. Официальная версия тогда была – скрылись в Финляндии. По пьянке махнули через границу и, опасаясь наказания, не вернулись. Только годы-то идут, обстановка меняется, дети в семьях офицерских подросли. Вроде бы хоть весточку должны подать – ни слуху ни духу. Финны клянутся-божатся – БМ-Пэшки этой в глаза не видывали. Им верить можно. Они наших вояк сразу выдавали, если отлавливали.

– Документацию с собой не прихватывали?

– Не прихватывали… Два комвзвода и замполит – какая там документация? – Полковник достал из шкафа коробку, поставил на стол и открыл. – Все, что нашли.

В коробке, упакованная в пластиковый пакет, лежала зимняя солдатская портянка, даже след на фланели остался,

вдавленный, слегка вытертый ступней. Скорее всего, солдатик в субботу помылся в бане, получил свежее белье и портянку не успел заносить, и ноги еще были чистыми, не пропотевшими…

– Экспертиза подтвердила: портянка принадлежит водителю БМП, солдату срочной службы Кухтерину. Идентифицировали размер ступни, ее физиологическое строение и запах по казарменным тапочкам. А нашли портянку вовсе не на финской границе, а… знаешь где? В Долине Смерти. Была привязана к березке со сломанной вершиной, как флаг. Занятно, правда?

– Занятно, – сдержанно сказал Георгий. – Только если бы я вздумал дернуть за границу, сделал бы так же. Чтобы сбить со следа и заморочить голову. Если знать легенды о Долине Смерти…

– Так мы и решили, – согласился Заремба. – Но куда они подевали боевую машину пехоты? А искали ее серьезно, девяносто часов налетали, это только на «кукурузниках». Еще пятнадцать на спасательном вертолете.

– Кстати о вертолетах! Они что, даже портянок не оставляли?

– Сначала там пропал самолет Ан-2, – пояснил полковник. – Группа парашютистов из авиалесоохраны вылетела на патрулирование, шесть человек плюс пилот и летчик-наблюдатель. Был пожароопасный сезон… На траверзе Одинозеро – Верхние Сволочи командир экипажа последний раз

вышел на связь. Сообщил курс, запас горючего и точку возврата. Где-то летает уже третий год… В Долине Смерти обнаружили «мабуту». Это такой мешок из брезента, в котором сбрасывают груз на парашюте. Там оказались мотопила «Урал», канистра с бензином, ранцевые огнетушители, топоры, лопаты, чайник, две палатки. Вещи опознаны как принадлежащие исчезнувшей группе. Сбрасывали не на парашюте, а будто принесли и поставили на каменную россыпь.

– Тоже махнули в Финляндию? – усмехнулся Поспелов.

– Этих на Финляндию было не списать, – вздохнул Зарембa. – Я сам полетал там прилично. Дозаправиться пожарники не могли нигде, кроме своей базы, а сделать вынужденную посадку без аварии в том районе можно лишь на старом военном аэродроме. Но туда они не садились: железобетонные плиты подернуло лишайником, человек пройдет, и то заметно. Да и аэродром этот далеко в стороне от курса. Каждую сопку обследовали, все речные косы пешком обошли, каждый прогал в лесу на сорок раз просмотрели…

– Там что, радаров вдоль границы нет?

– Как же нет! Ворон и тех засекают… Только ведь у нас ворон и считают, а из Красной площади аэродром сделали. У радарщиков все шито-крыто. Да что говорить!.. Первый пропавший вертолет был не чей-нибудь, а местных погранцов. Вылетел с заставы шестнадцатого сентября прошлого года, направлялся в Костомукшу. На борту – два пилота, офицер фельдъегерской службы и солдат-пограничник с по-

дозрением на язву желудка.

– А что нашли в Долине Смерти?

– Лично я – язву желудка, – съязвил полковник. – До зимы на сухом пайке сидел со своей командой. Если бы не пиво, давно бы загнулся… А вообще-то нашли лосиную тушу, освежеванную и упакованную в металлизированный пластик. Погранцы, как выяснилось, продали ее вертолетчикам за сто литров керосина. У них дизель на заставе оставался без горючего… И что интересно: пока я там с мужиками наживал гастрит, вертолетики и самолетики летали и над нашими головами, и над Долиной Смерти. Хоть бы один исчез! Стоило мне убраться из этого треугольника, через девять суток канул в бездну гражданский Ми-2. «Новые русские» из Петрозаводска подрядили его слетать на медвежью берлогу. В Нижних Сволочах взяли на борт егеря, который и продал им медведя, взлетели по направлению к брошенной деревне Горячее Урочище. По свидетельству жены егеря, последний там и нашел берлогу, еще осенью. В трех километрах от фермы Ворожцова. Хотел мишку у него из-под носа умыкнуть. Этот фермер скот там выращивал, сено косил, немного овса сеял и пару коней держал. Неплохие лошадки… Мы у Ворожцова бывали, крепкий мужик, бывший главный зоотехник колхоза. В Урочище дом построил, скотник… Вертолет к нему не прилетал и берлоги никто не тронул. Так что медведь фермеру достался. А кому вертолет вместе с охотниками – одному Богу известно. Ворожцов не выдержал и после

нас сбежал со своей заимки.

– Должно быть, разговоров наслушался? – предположил Георгий.

– Не без этого, конечно, – тотчас согласился Заремба. – Можно сказать, мы его умышленно вытравили из Урочища, как медведя из берлоги.

– А смысл?

– Чтобы ферму купить, дорогой Георгий. На подставное лицо, – хитро усмехнулся полковник. – Место удобное, ключевое и кое-какие дороги имеются.

– На ферму поселить меня? Так?

– Точно так. Наездами и налетами проблемы не решить. Придется жить там постоянно, обрастать доверенными людьми, собирать информацию. В общем, ты знаешь, что следует делать. План операции одобрен руководством. Могу выдать сейчас же все материалы.

– Значит, мне там крестьянствовать придется? – спросил Поспелов.

– Как же иначе? От и до. Самое удобное прикрытие для той малонаселенной местности.

– Ничего себе! – весело возмутился Георгий. – Значит, от зари до зари? И чтоб рубаха на плечах сопревала? Когда же, пардон, «Бермудским треугольником» заниматься? Свободного времени в сельском хозяйстве не бывает, и лето на носу. Может, мне работников нанять?

– Что ты, майор, шутишь? Я собираюсь тебя аппаратурой

напичкать, ни одного постороннего глаза! – Полковник пристукнул бутылкой. – Возьмешь с собой жену. И хватит. Техника там есть вся, от трактора до сеялки-веялки…

– Техника-то, может, и есть, жены нет, – скучно сказал Поспелов. – В разводе я, Александр Васильевич.

– Без жены дело не пойдет, – отрезал Заремба. – Тридцатилетний мужик и без бабы – это либо импотент, либо психодиночка. Для общения с местным населением не годится. Несерьезный мужик, если без жены. Придется сей недостаток исправить.

– Допустим, жениться я пока не хочу, – воспротивился Георгий. – Даже во благо безопасности полетов.

– Ничего! – засмеялся полковник и похлопал его по вялому плечу. – Я тебя сам оженю! И свидетельство о браке выпишу вот на этом столе. Правда, без цветов и шампанского. Все это будет потом, когда ты мне карельский феномен раскрутишь. Свадебный марш лично сыграю. Ты каких невест больше любишь? Брюнеток? Блондинок? Или все равно?

– Все равно, – тускло проговорил Поспелов. – Казенному коню в зубы не глядят.

– Верно, Георгий! – обрадовался Цыган. – Тогда я уж по своему вкусу подберу. А вкус у меня – вон видел? Вот это экстерьер! Вот это порода! Заметь, какой нерв, какой глаз кровяной!

Он влюбленно смотрел на изображение лошадиной морды и сам напоминал старого заезженного мерина с отвисшим

брюхом…

3

Золотозубый, простецки-фамильярный новый начальник оказался по-цыгански навязчив, а его заморочки с Долиной Смерти и неведомо куда исчезающими летательными аппаратами завораживающими.

Все-таки не зря говорят о цыганском очаровании и приводят примеры, когда искушенный, самостоятельный мужик, поддавшись неизвестно каким чувствам, вдруг покупает у цыгана полуживую конягу вместо резвого молодого жеребца, и потом, избавившись от наваждения, долго чешет в затылке – да что же это было-то со мной?!

Лишь дома Поспелов очнулся, пришел в себя и постарался трезво оценить собственное положение. Однако было уже поздно: откажись он от службы у Зарембы, кадры поставят вопрос об увольнении.

Георгий видел в этом только совершаемое над ним насилие и ощущал желание сопротивляться. На прежней работе он был относительно вольным, раскрепощенным, делал так, как считал нужным, и не испытывал давления со стороны начальства.

Он любил делать дело играючи, с гонором и веселой куражливостью, что обычно и приносило успех. Иногда экспромт оказывался значительнее, чем плоды долгих размышлений, важно было подчиниться стихии, интуиции, само-

произвольному движению. Даже вопреки здравому смыслу. Но это при условии знакомой оперативной обстановки, без «черных дыр» и прочей чертовщины.

Дома он окончательно затосковал и на какой-то миг вдруг пожалел, что разъехался с бывшей женой. Пока жили под одной крышей, все-таки оставалась возможность поговорить, поспорить, наконец, поругаться – и то польза. На ночь глядя Георгий собрался и поехал к ней, по дороге вообразив, что тоска эта не что иное, как начало прощания. Прощальная тоска перед дорогой по всему, что окружало до сего дня, что было привычным и незаменимым. Вместо нового адреса, по которому теперь жила Нина, Поспелов почему-то оказался возле старого своего дома, куда вселились совсем чужие люди. Задумался, поддался чувствам и механически приехал к обжитому месту.

Что-то раньше не замечалось подобных отключек! Георгий взял себя в руки и, развернувшись, уж совсем поздно приехал-таки к бывшей жене, чем вызвал ее неподдельное изумление.

– Что-нибудь забыл? – встретила она. – Что-нибудь случилось?

– Попрощаться заехал, – признался Поспелов. – Уезжаю в длительную командировку.

– А, – равнодушно бросила Нина, запахиваясь в ночной коротенький халатик. – Ну, прощай!

– Прощай!

– Это очень нежно с твоей стороны. И романтично: полуночное прощание. – С каменным лицом она приподнялась на цыпочки и чмокнула его в каменный лоб, как покойника. – Ну все, прощай!

И опахнула его теплом, знакомым и – что за дикость после развода! – желанным запахом тела, уже разогретого, разнеженного в постели. Помимо воли Георгий подхватил ее под локоть, потянул к себе, но Нина возмущенно высвободилась:

– Что такое, Жора? Георгий Петрович?..

– Чаем бы напоила, – сладко немеющими губами с кривой улыбкой вымолвил он.

– Чаем – пожалуйста. – Нина что-то заметила. – Ты не пьян?

– Слегка, – соврал он. – На улице прекрасная весенняя ночь, воздух под градусом…

Она шагнула к кухонной двери, и в полутемном коридорчике он увидел ее красивые, оттренированные на корте икры ног, привыкших к высокому каблуку. И этого хватило, чтобы вообще бросить поводья. Георгий подхватил ее на руки и понес в комнату: с корабля на бал, от порога и в бой. Так бывало у них в давние времена теперь уже утраченной счастливой жизни, когда Поспелов возвращался из командировки живой и здоровый.

Нина сопротивлялась, выкручивалась, стонала от бессилия и только больше раззадоривала. Она всегда спала голой, под халатиком ничего не оказалось, и это окончательно пога-

сило остатки сознания. Все было так привычно – гладкая кожа под ладонями, сильные мышцы живота, щекочущие волнистые волосы, запах дыхания и даже кровать, доставшаяся ей после развода. И одновременно от всего веяло неуловимым очарованием новизны, будто в руках его была не жена, а чужая, красивая женщина, яркая и энергичная в постели, отчего и совершается это единоборство. Он не видел выражения ее глаз, лишь контуры лица и гримасу нежелания, отторжения происходящего воспринимал как сладострастную истому…

А нового во всем окружающем и было-то всего – стены да потолок. Только Георгий обнаружил это потом, когда лежал расслабленный и пустой, механически поглаживая влажный живот Нины, кажется, такой же пустой и сломленной.

Она скинула его руку и включила торшер в изголовье.

– Теперь объясни, зачем ты это сделал?

– Что – сделал? – щурясь от света, тупо спросил он.

– Ну вот это все – насилие, заламывание рук… – Нина не находила слов, хотя казалась спокойной. – Для самоутверждения?

– Не знаю, – признался Георгий и перевернулся на живот, чтобы посмотреть ей в лицо. – Я тебя изнасиловал?

– А это можно назвать как-нибудь иначе? – Она показала синяки на сгибах рук, оставленные пальцами.

Он промолчал, только сейчас ощутив острое жжение на горле и груди: кожа была расцарапана, и следы от ногтей при-

пухли, образовав белые рубцы. Хорошо, хоть не на лице…

– Зачем ты это сделал? – снова спросила она. – От великого голода? Зачем?

– Почему-то не удержался… Когда в прихожей… поцеловала в лоб.

– Да я была холодная как лед!

– Не заметил…

– А, значит, это я тебя совратила! – Нина повернула голову и положила ее на руку, согнутую в локте. – Хочешь сделать из меня любовницу?

– Да нет…

– Почему же? Очень удобно! – ненавистным Георгию, металлически-жестким голосом заговорила она. – Пришел после очередной командировки, натешился и никаких обязательств… Только, Жора, я должна сообщить, что место уже занято. У меня есть любовник. И давно, несколько месяцев.

Георгий промолчал: информация была не такой уж новой…

– Какая глупость! Как мерзко! – после паузы бросила она. – Знала бы – не впустила…

– Я пришел попрощаться, – вдруг вспомнил он и уловил в своем тоне отголосок какого-то юношеского порыва.

И она услышала это, помолчала, неожиданно ласково потрогала его волосы, заметила сетку глубоких царапин на горле и груди, сказала примиряюще:

– Сам виноват, дурак… – Достала из тумбочки вату,

лосьон и принялась прижигать раны.

– Последнее время я везде почему-то виноват, – признался Георгий. – Везде меня вывели за штат. Печально…

– Нет, ты скажи, зачем ты это сделал? – еще раз повторила она, и вдруг стал ясен этот ее назойливый вопрос, произнесенный на разные лады. Нина ждала выплеска, взрыва, неожиданного признания.

Георгий должен был выкрикнуть: «Да затем, что люблю тебя!» А это была неправда… Но ей очень хотелось это услышать! И даже искупая вину свою, раскаиваясь за несдержанность, он не мог и мысленно произнести такой фразы: в душе все давно перегорело. Нина же любила состояние, когда ее все любят, от кошек до трамвайных контролеров. Любят и все время говорят об этом.

Она ждала восторга в своей адрес, преклонения, безграничного почитания, причем от людей совершенно чужих, ненужных ей, даже случайных. Ей, как бриллианту, непременно требовалась достойная золотая оправа в виде мужчин, готовых припасть к ее ногам. С юности Нина была испорчена вниманием и поклонниками, когда, будучи десятиклассницей, победила на конкурсе «Мисс Очарование». Тогда вокруг нее завертелись крупные дельцы теневой экономики, в то время еще подпольной. На нее как на породистую лошадь делались крупные ставки; ее разыгрывали как предмет купли-продажи, устраивая негласные торги. Кто-то должен был обладать ею безраздельно, однако не для собственного

удовольствия и престижа, а с целью дальнейшей продажи за пределами государства.

Нина ничего об этом не знала, захлестнутая счастьем победы и собственной божественной красоты. Поспелова тогда весьма удачно внедрили в окружение «Мисс Очарование», приблизили в качестве неофициального телохранителя, и он буквально выхватил будущую жену из коммерческого огня. Хотя задачу в проводимой операции имел совершенно иную, куда более прозаическую: выявить зарубежные связи в криминальных структурах… Теперь она стала бывшей… И, наверное, была несчастлива, поскольку вот уже года два как ее тоже вывели за штат. А от несчастья своего хотела прежней любви к себе!

Нина обработала царапины у него, спрятала флакон.

– Ну, что молчишь? Нечего сказать?

– Прости, мисс, – проронил он привычную фразу, которую говорил, когда был виноват.

– У тебя что, никого сейчас нет? – допытывалась она.

– Сейчас нет.

Ей это понравилось. Задумчиво улыбнувшись, она села на постели, оперевшись на высокую спинку кровати, не без кокетства прикрыла грудь краем одеяла.

– Бедный Жора!.. Ты несчастлив?

– Тоскливо мне, – уклонился Георгий. – Тем более надолго уезжаю.

– Хорошо, – не сразу сказала Нина. – Ты можешь иногда

приходить ко мне. Пока не найдешь подругу. Но прежде обязательно должен позвонить.

– Нет, я больше никогда не приду, – трезво и определенно заявил он. – Я пришел к тебе прощаться.

Это ее мгновенно возмутило. В спальне будто шаровая молния взорвалась, даже озоном запахло.

– Все! Убирайся отсюда! Супермен несчастный! Ненавижу!

Георгий невозмутимо развел руками:

– А всё, мисс, на метро опоздал. Придется остаться до утра.

– Не хочу видеть тебя в своей постели! Видели?! Прощание с телом устроил! Уходи!

Она металась по комнате, швыряя ему разбросанные впопыхах возле кровати вещи – брюки, рубашку, носки, – Поспелов все это ловил и аккуратно складывал на тумбочку. Она забыла недавний кокетливый стыд и совершенно не заботилась, что находится перед очами «чужого ненавистного» мужчины совершенно голой.

Природа вылепила из нее совершенство. Но зачем, с какой целью? В чем был промысел Божий, если это прекрасное существо служило лишь яблоком раздора, разочарования и несчастья?

Нина бросила ему пиджак, и на лету из него вывалился и грохнулся о паркет пистолет.

– Я же учил тебя осторожному обращению с оружием! –

весело прикрикнул он. – А если выстрелит?

В полумраке он принял гримасу крайней решительности за растерянность и даже не шевельнулся, чтобы встать и поднять пистолет. Нина же склонилась, осторожной рукой взяла оружие и в следующее мгновение отпрыгнула в сторону кошачьим прыжком и наставила ствол на Георгия, словно коготки выпустила.

– На колени, супермен! Это не шутка! Я застрелю тебя!

Поспелов уже понял это, ибо наконец разглядел ее лицо в косом свете торшера и услышал шипящий дребезг металла в голосе.

Пистолет был с глушителем, и патрон – в патроннике…

Может, это и был рок? Вот такой вот поворот судьбы, ее месть?

– На колени! Я сейчас убью тебя. И мне ничего не будет. Ты меня изнасиловал! Есть следы!.. Мне ничего не будет.

Перед глазами почему-то возникла солнечная улыбка Зарембы, словно Цыган сейчас смеялся над ним.

– Перед такой женщиной можно встать на колени, – стараясь двигаться плавно, Георгий встал с кровати. – И умереть от ее руки.

– Не юродствуй, подонок!

– Что же мне, реветь теперь? Слезы лить в три ручья? – без всякой натяжки засмеялся он. – Ты мне хоть перед смертью поставь конкретную задачу, без капризов. Встать на колени, а дальше? Сразу выстрел в голову? Это же грубо!

– Ноги будешь мне целовать!

– Ну, это дело хорошее! – обрадовался Георгий. – Ты же помнишь, я даже люблю это дело. И тебе нравится, правда? У тебя между пальчиками самые сокровенные эрогенные зоны…

– Прекрати болтать, – тихо проговорила она и потянула спусковой крючок. – Знаю-знаю, почему разговорился! Все твои штучки знаю. Это называется растащить ситуацию, так? Не выйдет. Сегодня у тебя не выйдет, Жора!

Она не все пропускала мимо ушей, когда Поспелов рассказывал ей кое-что о службе. Хотя всегда казалась ветреной, невнимательной, отвлеченной, слушая его после долгих командировок на этой самой кровати…

– А я и растаскивать ее не хочу! – Георгий сделал движение, чтобы опуститься на колени. И тотчас же резко ушел под ее руку с пистолетом.

Над головой хлопнул выстрел. Второго она сделать не успела и в мгновение ока очутилась на постели, уже без оружия, придавленная и распятая.

– Придется еще раз изнасиловать тебя, мисс, – сказал он. – Умирать, так знать, за что.

– Отпусти, подлец! Мне же больно! – выдохнула она.

– Представь себе: сейчас бы перед тобой лежал труп. А лежит живой и здоровый муж, хоть и бывший. К тому же на тебе. Что приятнее, мисс?

Она обмякла, перестала сопротивляться.

– Только не насилуй больше меня… пожалуйста.

– Да не буду. – Он лег рядом, продолжая удерживать ее руки. – Хотя ты заслужила насилие. Или нет?.. Ладно, все равно не стану. Полежу рядом. Если усну, а тебе еще раз захочется… Стреляй чуть выше уха, вот сюда, – Георгий дотронулся пальцем до ее головы.

– Неужели тебе не страшно умирать? – через минуту спросила Нина.

– Страшно… Потому и прошу, чтоб наверняка.

– Всю жизнь не понимала, когда ты говоришь серьезно, а когда играешь. Как ты можешь в такие минуты?..

– Ты знаешь, что такое Бермудский треугольник?

– Слышала, а что?

– О «черных дырах» тоже слышала?

– К чему ты спрашиваешь?

Георгий отпустил ее руки, натянул одеяло до подбородка: она смущала и волновала его в любой ситуации…

– Это к слову о наших отношениях. Я и в самом деле не приду больше. И не сердись. Ты все время обезоруживаешь меня, делаешь слабым, бессильным. Ты как эта «черная дыра», как антипространство, втягиваешь человека, а зачем, и сама не знаешь. Правда же?.. Не хочу больше. Зачем я сегодня пришел?

– Попрощаться.

– Тогда мне нужно встать и уйти. Я ведь уже попрощался.

– Пойдешь утром, когда откроют метро, – холодновато

сказала она. – Не бойся, в сонного стрелять не стану.

– И на том спасибо.

Нина погасила торшер, некоторое время они лежали беззвучно и неподвижно, не касаясь друг друга. Скоро она заворочалась – что-то ей мешало, беспокоило, давило спину, и Георгий нащупал под простынью твердый, с острыми зауценцами, комок.

Их брачное ложе, белый «Людовик», сработанный на вечные времена, верой и правдой прослуживший всего-то семь лет, оказался безнадежно испорченным…

– Что там? – спросила Нина.

– Пуля, – сонным голосом буркнул Поспелов.

Нина молча перебралась на его половину, потеснила к краю, непроизвольно прижавшись к спине. И лишила последней призрачной надежды на сон. Через несколько минут Георгия начало поколачивать от перевозбуждения, стиснутые кулаки и зубы не давали никакого эффекта. «Дрянь! – думал он. – Мерзкая тварь! Дешевка! Проститутка! Лесба несчастная!..» Он стал считать про себя, чтобы на счет «пятьдесят» резко встать и уйти отсюда совсем и навсегда. Подняться, и то с трудом, сумел, лишь сосчитав до ста. Увидел ее неприкрытые одеялом ноги, вытянутые, удлиненные пальчики. Встал на колени и начал целовать ступни…

Утром Георгий ушел тихо, чтобы не разбудить Нину – поворовски, на цыпочках спускался даже по лестнице, но уже

на тротуаре не удержался, поднял взгляд на окна, черными дырами смотревшие на улицу.

В одном из них угадывался призрачный женский силуэт…

Он торопливо свернул за угол, сохраняя полную уверенность, что уходит навсегда… Начавшийся с бурных хлопот день стряхнул, развеял остатки наваждения, и все, что было прошедшей ночью, вызывало теперь чувство стыда за собственную слабость, неумение справиться – нет, даже не с чувствами, а скорее, с похотью, сильным физиологическим влечением. Как еще назвать такое положение вещей, когда этот яростный, бурлящий туман в голове возникает лишь в тот миг, если бывшая жена оказывается рядом? И напротив, приходит полное равнодушие, когда ее нет?

С утра начались бесконечные инструктажи, гоняли из кабинета в кабинет до обеда, а список тем и инструкторов почти не убавился. Его готовили, как подводную лодку для автономного плавания, впихивали специальную информацию по геологии, гравитации, ядерной физике; пичкали еще недоваренной кашей сомнительных познаний в области контактов с внеземными цивилизациями, что-то втолковывали о возможном существовании параллельного мира, показывали слайды и видеозаписи неопознанных летающих объектов. За три-четыре подготовительных дня Поспелов обязан был получить и усвоить все знания о всякой чертовщине, накопленные за историю человечества. Заремба со своими россказнями про Долину Смерти выглядел наивным проста-

ком, способным запугать лишь детей дошкольного возраста. На самом же деле привычный, осязаемый мир буквально лопался от необъяснимых явлений и феноменов, трещали по швам все материалистические и философские учения, опровергаемые точными науками.

– Оказывается, душа и в самом деле в момент смерти вылетает из тела и некоторое время висит над ним, как бы взирая со стороны на свою оболочку. И кому-то удалось даже взвесить ее, положив умирающего чуть ли не на электронные аптекарские весы, кому-то – сфотографировать в специальном излучении…

– Оказывается, бродят по земле привидения, над разрушенными храмами висит мученический светлый ореол, мироточат написанные человеческой рукой иконы…

– Оказывается, можно замедлять или ускорять время, причем довольно примитивным способом – находиться в абсолютном покое, как тибетский монах, или передвигаться по земле со скоростью выше сорока километров в час. Потому-де, мол, быстро стареют пилоты и шоферы-дальнобойщики…

– Оказывается, и на земле бывает эффект искривленного пространства.

Оказывается, оказывается…

Упади все это в почву обостренной чувствительности и безудержного воображения, можно за один день «рерихнуться» и потом запросто беседовать с космосом, вызывать

дух умерших, предсказывать, колдовать и лечить все болезни без разбора. Поспелов внимательно выслушивал инструкции и наставления, учился пользоваться специальной фототехникой и приборами, чтобы снимать то, чего как бы и не существует в природе, – например пустоту, – мотал на ус словесные хитросплетения специалистов по полтергейсту и чувствовал, как его внутренний цензор в виде мужика с вилами в руках все время стоит на страже. Крестьянский корень еще не оторвался и прочно сидел в земле, не давая Поспелову воспарить над человеческой суетой. Он смотрел на очередного спеца и как профессиональный разведчик делал умное лицо, согласно кивал, когда надо, показывал всплеск любопытства, а сам пытался представить, как этот великомудрый человек не от мира сего, например, ест, сидит и пыжится на унитазе, спит с женщиной, трется о косяк, если зачесалось между лопатками. И земные эти потребности в одночасье срывали все, даже самые искусные маски, претендующие на бытие. Ему хотелось прервать какого-нибудь душевидца в потрепанном пиджачке, специально приглашенного для инструктажа, хлопнуть его по тощему животу и сказать примерно так: «Слушай, мужик! Кончай пороть хреновину. Давай поговорим за жизнь».

И не делал этого только потому, что в самом начале определился и как бы договорился сам с собой, что уже пошла его новая работа и вся эта дурь, которой дышит и тешится нынешнее общество, и есть предмет наблюдения, изучение

обстановки, сбор развединформации.

Ближе к вечеру в тот день Поспелова неожиданно пригласил к себе Заремба, ухмыльнулся с цыганской хитроватостью:

– Что, рома, навалили тебе пищи для размышления? Навешали лапши?

– Нормально, – отмахнулся Георгий. – Через пациентов Кащенко тоже надо пройти. Для контраста ощущений.

– Ну ты кончай, – слегка обиделся полковник. – Я тоже когда-то не верил. Но все так просто…

Похоже, Цыган уже оторвался от земли. Табор его уходил в небо…

– Привыкну, – заверил Поспелов. – Специфика работы…

– Спецтехнику получил?

– Получил…

– Инструктаж по пользованию?

– Получил…

– Теперь получай жену! – весело заявил полковник. – Я слово сдержал – такую женщину тебе подобрал! Такое яблочко, такой персик – сам бы ел. Да зубов уж нет укусить! Младший оперуполномоченный, старший лейтенант Курдюкова. Сейчас придет!

– Из «женского батальона»? – сразу угадал Георгий, не вкладывая никаких эмоций, но Заремба что-то сразу заподозрил:

– А что? Девушки там, как в Голливуде! Глаза разбегают-

ся. Так что подбирал по деловым качествам, как положено.

«Женский батальон» занимался оперативной работой чуть ли не во всех отделах и по многим направлениям. Оперуполномоченные девушки работали секретаршами у крупных начальников и банкиров, горничными в гостиницах, официантками, валютными и просто панельными «ночными бабочками». Деловые качества могли быть самыми разными, в зависимости от того, где претендентка на роль жены служила раньше, какие задачи выполняла. Поспелов сильно сомневался, что кто-нибудь из «батальона» был приставлен доить коров, давать скотине сено и управлять колесным или гусеничным трактором. И, напротив, ни секунды – в том, что все остальное девушки делали мастерски и с профессиональным блеском.

«Жена» явилась через несколько минут, и Поспелов невольно оценил вкусы нового начальника. Разве что в этом «прикиде» и макияже она годилась больше в жены «новому русскому», чем начинающему фермеру, уже замордованному падежом скота и дождями-сеногноями.

– Татьяна, – представилась она без всякого жеманства, однако с едва уловимым смешком.

– Посмотри, Георгий! – ликовал и приплясывал «цыганский барон». – Какая стать! Как голову держит! Ну-ка, Танюша, пройди, пройди, покажи товар лицом!

Она игранула манекенщицу, вильнула бедрами, повела полуприкрытым взором.

– Н-ну, муж? – спросила. – Нравлюсь я тебе?

С такой бы на Канары закатиться или в кругосветку на теплоходе…

– Ты на антураж не смотри, – заметил полковник. – Она во что хочешь обрядится, платочек повяжет и под корову сядет.

– Посмотрим, – сдержанно ответил Поспелов.

– Что ты, Георгий! – воскликнул Заремба. – Товарищу по службе в зубы не глядят! Вот комплект ваших документов, получайте. И свидетельство о браке, между прочим. От прошлого оставили только имена, привыкайте, приспосабливайтесь друг к другу. Время есть, целых три дня!

– Александр Васильевич, – усмехнулась Татьяна. – Мой муж… Он по легенде такой хмурый или по жизни?

– Не обращай внимания, – отмахнулся тот. – С женой недавно разошелся. У него слишком необъективные ассоциации с женитьбой. Придется тебе восстановить его тонус.

– Постараюсь, товарищ полковник! – Она взяла под руку Поспелова. – Ну что, инструктажи на сегодня кончились? Пойдем приспосабливаться? Ко мне или к тебе?

Заремба спрятал улыбку, распорядился деловито:

– Ты, Танюша, подожди его в коридоре. У нас еще один разговорчик остался, чисто мужской.

Старший лейтенант Курдюкова послушно вышла из кабинета. Полковник плюхнулся в свое кресло, бесцельно поводил взглядом.

– Значит так, Георгий. У Татьяны есть сынишка, четыре

года. Живет с бабушкой. Так что ты особенно-то губу не раскатывай: она не шлюха, а человек семейный. Чтоб все у вас там было… по совести, что ли. Не обижай ее… Что так глядишь? Совсем не нравится?

Поспелов сунул руки в карманы, сел на край стула: перед глазами стояла черная дыра окна с силуэтом Нины…

– Да нет, ничего… Только я прихожу в восторг всего лишь от одной женщины – от бывшей жены.

– От восторга и разошелся?

– Тяжелый случай…

– Ладно, твои заморочки, – проворчал Заремба. – С Татьяной найди общий язык… Ну нет другой в «женском батальоне»! Чтоб с тобой на ферме смогла жить. Кроме нее, конечно… И предупреждаю: чтоб без всяких там драм и трагедий.

– Это вы о чем, товарищ полковник? – насторожился Георгий.

– Да все о том же! Ты в семейных парах не работал и не знаешь… Когда живешь неделю – ничего, в удовольствие. А месяц-два – вот тут и начинается. Природа-то берет свое, обычно «жены» влюбляются, голову теряют. И плевать им на операцию, на службу. Конфликты, рапорта на увольнение… Вплоть до самоубийства. Ты мужик, береги ее, держи в руках и повода не давай. Конечно, это бесчеловечно… Но мой тебе совет: постоянно ворчи на нее, нуди, брюзжи. Женщины в нудных не влюбляются. Впрочем, и это не панацея. Они

же в этом «батальоне» после трех лет службы спят и видят себя настоящими женами и матерями. У них для любви душа всегда нараспашку.

Георгий слушал его и почему-то примерял все не на товарища по службе, а на бывшую свою жену, некогда купавшуюся во всеобщей любви и теперь обделенную…

4

Бывший хозяин Горячего Урочища выстроил дом по финскому проекту, с претензией на полную автономность и отчасти – на европейскую культуру. Но русский характер проявился и тут: английский камин оказался удачно спаренным с русской печью, средневековая кладка из дикого камня первого этажа соседствовала с деревенскими лавками, и вдобавок ко всему скотный двор был прирублен непосредственно к самому дому, как будто к крестьянской избе.

Полковник Заремба не обманул: место действительно напоминало уголок Швейцарии.

Сосны, взбегающие уступами к вершинам сопок, живописное поле на склоне, где когда-то стояла деревня, голубое озеро, над которым дом несколько даже нависал, одна стена поднималась непосредственно из воды, и тихо шумящая на перекатах речка с широкими плесами. Но жить здесь человеку, не приспособленному к хуторской «финской» жизни наособицу, человеку, древними корнями напрочь привязанному к общинной жизни, вероятно, было трудно, если вообще возможно.

Ощущение пустоты, глуши и безлюдья отчего-то начиналось вечером, когда солнце садилось за сопки и багровые отблески покрывали каждый бугорок на земле. В полном безветрии природа замирала, настораживалась, вслушивалась

и дичала: чернела голубая вода, чернели золотые стволы старых сосен, и по-весеннему зеленеющее поле напитывалось мраком, расплывалось неясными, бегущими тенями.

Здесь было очень легко напугать себя, вызвать щемящий, необъяснимый страх, испытанный разве что в раннем детстве. Пробыв всего сутки в Горячем Урочище, Поспелов успел почувствовать и понять, отчего бывший хозяин Ворожцов, вложив в ферму много денег и труда, все-таки не вынес одинокой жизни и бежал, отдав свое детище за совсем не большую сумму. Поди, еще и радовался, что нашелся ненормальный, согласившийся жить в этом первозданном, но – увы! – неуютном месте.

А так бы вообще все прахом пошло…

Однако предаваться чувствам и собственным ощущениям в первые недели жизни в Урочище особенно-то было некогда. Следовало оправдывать легенду, отработанную в конторе, то бишь обзаводиться скотом, ремонтировать технику, пахать и сеять ячмень и овес на фураж. Одним словом, внушать своей ежедневной жизнью, что на ферму пришел настоящий хозяин. По новым документам Поспелов был уроженцем Карельской АССР из города Кондопога, а его жена Татьяна, финка по национальности, из Сортовалы. То есть не чужие пришли в эти земли обетованные, а как бы свои, волею судьбы унесенные когда-то в дальние края.

Конечно, в течение нескольких дней пришлось обставлять и обустраивать дом и, главное, наделать удобных тайников,

где следовало спрятать до времени большое количество аппаратуры, спецтехники, в том числе и компьютер, поскольку для начинающего фермера держать его открыто было бы слишком. А кроме того, установить во всех комнатах и помещениях вплоть до скотного двора незаметную охранную сигнализацию, которая не звенит, не ревет в случае проникновения посторонних, но тихо записывает на аудио– и видеопленку и в критической ситуации без всякого участия человека передает по космической связи сигнал тревоги в контору. И устроить конспиративные встречи с двумя агентами, внедренными сюда Зарембой после исчезновения самолета Ан-2 и теперь переданными на связь Поспелову. Один носил кличку Ромул, жил в Верхних Сволочах и работал сельским фельдшером, другой, разумеется, Рем, был завклубом в Нижних Сволочах. И оба были женщинами… Пока что они собирали информацию в виде сельских сплетен и бабушкиных сказок, однако могли сослужить хорошую службу в период адаптации супружеской пары в Урочище: что там поговаривают в народе по поводу новопоселенцев-фермеров?

Однажды вечером Георгий взял спиннинг и отправился на озеро к мысу, выступавшему с южной сопки: лед сошел совсем недавно и рыба неплохо играла у самой поверхности полой воды. Играла, но почему-то никак не желала брать ни блесну, ни «обманки», сделанные в виде насекомых и мышей. Он хотел уж возвращаться домой – наступило как раз то неуютное состояние природы, когда солнце опустилось

за сопку, – однако почувствовал пристальный человеческий взгляд из прибрежных кустов. Сомнений не оставалось: кто-то крадучись наблюдал за ним, почти неслышно передвигаясь следом, и это было любопытно, если учесть, что на тридцать километров вокруг нет ни одной живой души. Уже для проформы бросая спиннинг, Поспелов спокойно выжидал дальнейшее развитие ситуации и прикидывал, кто это мог быть. И получалось, что кроме старого хозяина Ворожцова больше некому. Из ревности, из жалости к своему оставленному поместью пришел, возможно, попытается теперь пугнуть его из кустов, устроить какую-нибудь «пионерскую» шутку с воем, с белой тряпкой, с диким смехом.

Прошло минут двадцать, стало совсем сумеречно, а Ворожцов по-прежнему таился в кустах либо призрачной тенью двигался вдоль берега. Поспелов достал сигареты и решил прервать эту игру.

– Ладно, хватит прятаться! – сказал громко. – Иди покурим!

За спиной ни звука, но взгляд будто стал еще пронзительнее и острее, как если бы человек прицеливался и смотрел сейчас через прорезь. Непроизвольный легкий холодок пробежал между лопаток, и глаз сам по себе избрал направление, куда безопаснее всего сделать прыжок, чтобы не сорваться со скользких камней в воду.

Георгий медленно прикурил, растянул сигарету и обернулся…

На обрыве, метрах в восьми, стояла свинья, высокая, на ногах, с громадной головой, висячими ушами и плоская, как камбала. Взгляд был внимательный, человеческий, пытливый… Поспелов сделал два шага в гору, и тут эта скотина внезапно завизжала, да так, что захолодела душа. Будто резали ее! Тем более усиленный звучным эхом, визг этот показался громогласным.

– Понял, ты – ведьма! – сказал он. – Гоголевская героиня. Я тебя узнал, и потому смойся с глаз. Исчезни, нечисть! Иначе схожу за ружьем и пущу на шашлык. Или перекрещу тебя, и улетишь отсюда к чертовой матери.

Кажется, человеческий голос ее успокаивал или завораживал. Свинья перестала кричать, негромко захрюкала и потрусила, однако же, следом за Георгием. Долина между сопок, что, собственно, и называлось Урочищем, после захода солнца быстро заволакивалась сумраком, словно темной водой, и пока Георгий шел к светящимся окнам дома, свинья пропала из виду и слышался лишь ее мелкий, торопливый топот.

Он оставил калитку открытой и пошел через черный ход, выводящий сразу на кухню.

Татьяна готовила ужин под финскую речь, доносящуюся из динамиков магнитофона.

– Жена, иди принимай скотину! – засмеялся Поспелов. – Определяй на место. А я посмотрю, какая ты хозяйка, какая фермерша.

Она вопросительно посмотрела, убавила звук, подбоченилась.

– Где тебя носит? Где носит-то? Рыбак!.. Только бы удочку в руки и из дома бежать.

По легенде она должна была играть роль несколько сварливой и достаточно властной женщины, старающейся загнать мужа под каблук. По разумению конструкторов, жена-финка после восьми лет супружества обычно такой и становится, поскольку мужья к этому сроку теряют интерес к семейной жизни и поглядывают на сторону.

– Нет, правда! – заверил Георгий. – К нам свинья приблудилась, у ворот стоит.

– Ты-то ни к кому не приблудился? – проворчала она, однако стала менять шлепанцы на калоши – самую удобную обувь в крестьянском хозяйстве.

В свою очередь Поспелов обязан был прослыть скрытным бабником – это самый лучший предлог, чтобы появляться в соседних селах, особенно не афишируя, к кому и зачем. Тем более, оба агента – женщины. Замкнутая жизнь на ферме из-за отдаленности помешала бы работе, а ему следовало часто быть на людях, знакомиться, с кем-то заводить дружбу, иногда выпивки, тащить к себе в гости кого нужно. Первый семейный скандал они уже запланировали с Татьяной, для чего Георгий познакомился и весьма навязчиво полюбезничал с молоденькой продавщицей из Верхних Сволочей. В следующий раз ее следовало прокатить по селу на своей

«Ниве» и сунуть дешевенький подарок в виде бус или сережек – то, что носят на виду. Потом Татьяна поедет за продуктами, увидит и покажет, как заманивать чужих мужей. Продавщице это пойдет только на пользу, ибо, стоя за прилавком, неизвестно что продает – товар или себя.

А после принародного скандала Георгий начнет тщательно скрывать свои амурные дела. Скоро потребуется часто встречаться с Ромулом и Ремом, давать конкретные задания на разработку «объектов», получать оперативную информацию и тут одним почтовым ящиком не обойтись. Кроме того, Заремба обещал подготовить и ввести в операцию еще одного агента, и тоже женщину, поселив ее на вершину «Бермудского треугольника» – в качестве начальника метеостанции, расположенной у Одинозера. «Там сейчас работала семейная пара, к разведке не имеющая отношения, а начальника пришлось „отправить“ на пенсию, чтобы освободить место». Георгий настаивал, чтобы на Одинозеро посадили мужика, но новый шеф любил работать с женщинами, считая, что они больше видят и замечают, острее чувствуют и обладают даром предчувствия.

Так что несчастной жене Татьяне не позавидуешь: кругом одни бабы…

Свинья никуда не ушла, рюхала за калиткой, не смея ступить во двор. Все попытки заманить ее, а потом и насильно загнать в скотник не увенчались успехом. Похоже, она одичала, скитаясь по сопкам, но и от жилья не хотела уходить,

а младший оперуполномоченный старший лейтенант Курдюкова пока что больше умела быть сварливой женой, нежели хозяйкой на ферме. Несмотря на то что родилась и выросла в деревне Новгородской области. Наконец она догадалась, что приблудная животина попросту голодная. Ей выставили за ворота таз с наскоро запаренным комбикормом и на том успокоились.

– Исправлюсь, товарищ майор, – стреляя глазками не хуже продавщицы из Верхних Сволочей, сказала «жена», перед тем как уйти в свою спальню. – Разрешите идти на ночной отдых?

План разведмероприятий, проводимых в «Бермудском треугольнике», предусматривал почти полное разделение их обязанностей. Татьяна занималась связью, шифровкой и передачей донесений, накоплением уже готовой информации в компьютере – короче, только вспомогательной работой. О всей операции она знала лишь в общих чертах. И не лезла в кухню Поспелова даже из простого женского любопытства. Она имела четкие инструкции, что и как делать, если вдруг возникнет нештатная ситуация, но и тут Заремба ее полностью обезопасил, запретив всякие самостоятельные шаги, любую инициативу, кроме необходимой обороны личной жизни.

Иное дело, просто жизнь на ферме «семейной пары», та самая жизнь, которая занимала основное время и которая была главным прикрытием разведоперации. Без труда они

купили и пригнали пару коров, десяток бычков поставили на откорм, благо, что и пасти не надо: бывший хозяин обнес свои тридцать гектаров выпасов и семьдесят – посевов клевера проволочной поскотиной. Уже получена ссуда в банке на приобретение пасеки в двадцать пять ульев и всего необходимого инвентаря, чтобы сделать кочующий пчельник на базе грузовика ГАЗ-66 с прицепом – с ней можно было все лето ползать по «треугольнику»: лучшего предлога не придумать.

С первого же дня знакомства со своей «женой» Георгий понял, что вряд ли когда свыкнется с мыслью, что они так и останутся чужими людьми. И что станут жить под одной крышей как начальник и подчиненный, а не как мужчина и женщина.

Еще в Москве Георгий привез Татьяну к себе домой и, говоря языком бабников, распустил перья. Она весьма искусно ему подыгрывала, пила шампанское, кокетничала и заметно хотела понравиться, что было совершенно естественно: пожалуй, не одна она из «женского батальона» с удовольствием бы поехала поработать года на два в экзотических условиях фермы в карельских сопках среди голубых озер и рек, где плещется форель. Вместо того чтобы прислуживать какому-нибудь ожиревшему директору оборонки или вовсе таскать белье и стелить постели в гостинице, попутно выполняя литерные мероприятия.

Он почти не сомневался в успехе первого вечера и порой

мстительно вспоминал свою бывшую законную жену, в простреленной постели которой наверняка уже лежал любовник, о котором она напоминала часто и навязчиво. После двух ночи Георгий открыл дверь ванной комнаты.

– Старший лейтенант Курдюкова! Сначала сюда, а потом – в койку!

– Есть, товарищ майор! – откликнулась Татьяна и без всяких комплексов попросила халат или на крайний случай длинную мужскую рубашку, потому что ночью она зябнет.

Он дал ей халат и пообещал, что сегодня будет тепло и, может быть, даже жарко.

Пока он на правах хозяина прибирался на кухне, Татьяна выполнила приказ, и Георгий явился в спальню как молодожен к брачному ложу.

– Извините, товарищ майор, – вдруг трезвым и холодноватым голосом сказала она, – служба на сегодня кончилась.

Я и так работала до двух часов. Спокойной ночи.

Он тогда еще не поверил в стопроцентное «динамо», хотел пошутить:

– Я по легенде – бабник и обязан работать всю ночь. К тому же нам следует приспосабливаться друг к другу, не так ли?

– Непременно, Георгий Петрович. Вот и будем приспосабливаться.

– Так в чем же дело? Сейчас и начнем.

– Начнем. Идите спать. На диван. Или мне уйти?

Он ощутил прилив раздражения от ее внезапной сухости и решительности, однако настаивать сейчас, тем более проявлять свою волю было глупо. Судя по ее тону, она не моргнув глазом пойдет на обострение, и вовсе не из-за своего целомудрия, а из-за какой-то жесткой принципиальности. Ко всему прочему, Георгий вспомнил отеческое предупреждение Зарембы и совет найти общий язык. Он сел на край постели.

– Ты меня сбила с толку, – сказал он, смиряя гордыню. – Прошу прощения… Скажи, что ты имела в виду, когда говорила… о приспособлении друг к другу? – Георгий будто бы заботливо подоткнул одеяло под ее ноги.

– А то и имела, – не сразу сказала она. – Придется приспосабливаться жить под одной крышей, изображать семейную пару, разыгрывать то любовь и согласие, то ревность и ссоры. Если, конечно, после этой ночи вы от меня не откажетесь.

Георгий и тогда не поверил в искренность, зная по опыту, как самые опытные шлюхи умеют разыгрывать неприступных девочек-дюймовочек. Он сделал вид, что вполне удовлетворен ответом, попросил извинения и ушел спать в зал, на диван. И всю ночь не мог уснуть от одной лишь мысли, что он, Жора Поспелов, никогда не знавший отказа, вынужден спать сейчас в одной квартире с молодой, приятной женщиной, которая пусть и не возбуждает такую дикую страсть, как бывшая жена, однако притягивает воображение новизной ощущений; вынужден ворочаться с боку на бок, без кон-

ца думать о ней, представлять, как бы это все восхитительно у них произошло. И тихо злиться от собственного бессилия, и вспоминать, как он с блеском выхватил из грязных рук не какого-нибудь старшего лейтенанта спецслужбы, а саму «Мисс Очарование». Взял одной смелостью и напором, будто крепость на шпагу! Правда, и первая их ночь тоже походила на насилие, только вместо истерики, обиды и стрельбы родилось совершенно обратное: Нина покорилась ему и сама назвала мужем, отныне и навеки…

Под утро он окончательно накрутил себя, взвел и разозлился на Татьяну, решив отказаться от ее участия в разведоперации. С этой мыслью он и уснул, сжав кулаки и стиснув зубы, ругая ее про себя так же, как вчера Нину – шлюха, тварь, дрянь…

Тогда и в голову не пришло, что Татьяна за стенкой тоже не спала, тоже думала, вспоминала… И тоже уснула под утро, всего на пару часов, потому что в семь разбудила его тем, что готовила на кухне завтрак и, не зная «секретов» старой поспеловской мебели, уронила дверцу настенного шкафа, оторванную во время переезда, так и не отремонтированную.

Он лежал и делал вид, что не проснулся. Ее инициативу он сначала расценил как желание угодить, подлизаться, искупить как-то издержки собственных принципов.

Потом Татьяна осторожно вошла в комнату, постояла возле «спящего», сделала движение, чтобы тронуть за плечо,

но вместо этого как-то бережно прикоснулась к сжатому кулаку на подушке, погладила и осторожно, один по одному, распрямила пальцы. И второй кулак отчего-то разжался сам…

– Не притворяйся, – сказала с улыбкой. – Вставай, я приготовила завтрак. Начнем есть наш пуд соли.

В этот момент Георгию вспомнилось, что у Татьяны есть сын, живущий с бабушкой где-то в Новгородской области. От мысли об этом ребенке эта строптивая, дразнящая, своенравная женщина предстала перед ним с неуловимой печатью иного качества – материнства, которое служило некой защитой от всякого на нее посягательства. За ее плотью стояла еще одна плоть, еще одна живая душа, и всякое оскорбление, нанесенное ей, немедленно отзывалось в ребенке. Что бы он, Жора Поспелов, чувствовал, если бы кто-то чужой посмел оскорбить его мать? Посмел говорить с ней развязно, предлагать «приспособиться»?

А сын Татьяны еще маленький и не способен отомстить за мать.

Неожиданным образом увязанные эти мысли в один момент развеяли все ночные мысли и страсти. Только осталась одна мстительная в отношении бывшей жены, за насилие над которой никогда никто не отомстит, потому что некому мстить: Нина о детях и слышать не хотела! И он когда-то не хотел, но к тридцати, и еще чуть раньше, окончательно созрел, потому что начал матереть, ощущать опасность сво-

ей работы, страх, уровень риска и эфемерность жизни. Словишь пулю – и ничего после тебя не останется! Никого! Жена? Так жена, как поется в старой казачьей песне, погорюет и забудет про меня…

– Вставай. – Татьяна положила руку ему на лоб. – Остыла твоя горячая голова, утро вечера мудренее, вставай.

Георгий осторожно убрал ее дразнящую ладонь: эти игрушки в утреннюю ласку после ночного «динамо» были известны и означали единственное – Татьяна не хотела портить с ним отношения и выбрала неприемлемую для него тактику постоянно подогревать чувства и воображение, но всякий раз ускользать из рук под самыми разными предлогами. Эдакая кошечка с мышью.

Только Георгий сам привык быть котом.

– Отлично, – холодно проговорил он и встал. – Ты сделала выбор в наших отношениях. Я тоже. Люблю, когда у меня развязаны руки. Когда с товарищем по службе связывают только служебные, а не постельные дела.

Вероятно, тогда она приняла это за шутку или за некую месть уязвленного мужского самолюбия и серьезно к его словам не отнеслась. На деле же теперь получалось точно так, как он сказал: Георгий разъезжал по «треугольнику», заводил знакомства с женщинами, любезничал с очумевшими от тоски одинокой жизни в глухих местах агентами Ромулом и Ремом – одним словом, был все время на людях, а Татьяна как опостылевшая нелюбимая жена сидела на хуторе и жда-

ла у окошка блудливого «мужа». Мало того, скоро хозяйство резко прибавилось: бродячая свинья, прибившись на ферму, привела с собой девять полосатых поросят – признак того, что огулялась с диким кабаном, – и хочешь не хочешь, забот у хозяйки прибавилось.

Когда же в конце мая Поспелов наконец купил пасеку, «жена» не то чтобы затосковала, но почувствовала себя обманутой: дачная жизнь на ферме, как корабль, обрастала ракушками и тянула ко дну.

А пасека была необходима как прикрытие: часть ульев выставлена на ферме, а большая часть превращена в кочующую пасеку, которая позволяла в любое время появляться в той части «Бермудского треугольника», где было необходимо. Георгий сразу же начал готовиться к выезду на несколько ночей и заметил, что строптивая, несостоявшаяся любовница ждет этого часа, как муки, ибо выяснилось, что боится оставаться на ферме одна, несмотря на электронную охранную сигнализацию и автоматическую связь.

– Ты жесткий парень, Поспелов, – сказала она накануне отъезда его с пасекой в недра загадочного «треугольника». – Знаешь ведь, что мне будет страшно, и даже душа не дрогнет… Ты всегда так с женщинами?

Он не хотел ни завоевывать ее таким образом, ни тем более пугать, а сказал в общем-то правду.

– Не жесткий, а жестокий, – поправил. – Представляешь, в последнюю встречу с женой я изнасиловал ее. Да, а она

в меня стреляла. Ничего отношения? А знаешь, кто моя бывшая? «Мисс Очарование» восемьдесят восьмого года, Нина Соломина, помнишь?

Она пожала плечами:

– Нет, не помню… Роковая женщина?

– Они все у меня роковые, – признался Георгий. – Потому что надо мной рок висит. Так спецпрокурор определил. Хорошо, что нас судьба повязала только… легендарными супружескими отношениями.

Татьяна смотрела хоть и недоверчиво, но в глазах таился испуг. Поспелов рассмеялся и похлопал ее по щеке:

– Ладно, не бойся, я скоро собаку куплю. Даже двух, кавказских овчарок. Будешь дама с собачками!

Наутро же стало ясно, что заезд с пасекой в Долину Смерти придется отложить на неопределенный срок, поскольку Татьяна приняла шифровку, ключом к которой владел только он сам. Это означало особую важность информации…

Заремба сообщал, что в Петрозаводске внезапно объявились два охотника-медвежатника, исчезнувшие вместе с вертолетом Ми-2 пять месяцев назад. Требовалось немедленно установить, вернулся ли из небытия егерь, продавший им медведя в берлоге, и срочно выезжать в столицу Карелии, чтобы через местную спецслужбу выяснить, в каком параллельном мире побывали новые и все-таки земные русские люди…

5

«Новые русские» до этой самой злополучной охоты были людьми малознакомыми, хотя жили в одном городе давно и бизнесом занимались лет по восемь. Надо сказать, что и по роду занятий они были близки: оба когда-то относились к интеллигенции.

Хардиков начинал жизненный путь в милиции, когда еще существовал ОБХСС, дослужился до капитана, а потом его свел с ума один известный художник, заразил тягой к прекрасному, к живописи и поэзии, и он уехал учиться на журналистский факультет. Парень он был симпатичный, светловолосый, слегка скуластый, с острым, пронзительным взглядом, что нравилось женщинам и не нравилось преступникам. Эдакий «истинный ариец», баловень судьбы, белокурая бестия.

Журналистом он поработать не успел, началась перестройка, некоторое время занимался издательской деятельностью, в которой наварил первоначальный капитал, и ушел в область прозаическую: стал торговать обувью, организовав частную фирму «Стивал-Карел». К началу памятной охоты Хардиков имел до сорока магазинов в самом Петрозаводске и многих городах России, включая Питер, мечтал открыть свой банк и уже достраивал для него здание в центре карельской столицы. Бандиты его никогда не доставали и своими

налогами не обкладывали, поскольку бывший капитан сидел под «крышей» МВД и обувал в итальянские ботинки половину милиции.

Человеком он был смелым, богатым, способным на поступок и никакими комплексами не страдал. Кроме бизнеса с такой же страстью любил охоту, а когда хорошо выпивал, в душе просыпалась зараза, внесенная художником: тянуло к поэзии, причем исконно русской – к стихам Есенина, Клюева, Рубцова.

Благодаря ей они и сошлись со Скарлыгиным, когда встретились на юбилее общего знакомого. Выпивший Скарлыгин встал и вместо тоста начал читать стихи Рубцова:

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и долы
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.

Читал со страстью, с душевной болью, до слез, пытаясь пробить силой слова галдящую толщу застолья. Не пробил…

Скарлыгин обликом своим напоминал народовольцев прошлого века: борода, очочки, а за ними глаза, полные любви и сострадания к своему народу. По образованию он был геолог-геофизик, но работал корреспондентом в газете долгое время, и направление в бизнесе избрал как бы по третьему пути – образовал фирму «Сантехмонтаж», строил канализации, водопроводы, ставил раковины и унитазы. В от-

личие от Хардикова, едва сводил концы с концами, выкручивался, искал ссуды и страдал от рэкета. Поэтому сошлись они не на бизнесе, а на страсти к поэзии и охоте. На юбилее они уединились, до утра пили водку и читали стихи, пели и плакали, умилялись и покрывались ознобом от повышенной чувствительности и силы поэтического слова. Тут же поклялись: немедленно, как только придут на работу собственные бухгалтера, перевести крупные суммы на памятник Николаю Рубцову в Вологду, – и заодно договорились поехать на медведя. Хардиков накануне купил берлогу.

Проспавшись к обеду, про перевод денег на памятник они мгновенно забыли, но отлично помнили об охоте, поскольку любили ее во всяком состоянии. Хардиков зафрахтовал вертолет Ми-2, посадил нового друга, и полетели они в неизвестность.

И вот спустя пять месяцев объявились в городе внезапно – причем не только для своих домочадцев, работников предприятий, но и для себя лично. Пришли в себя и обнаружили, что находятся на складе труб, чугунной фасонины и фаянса, принадлежащем Скарлыгину, запертые снаружи на замок и опечатанные печатью банка; за долги фирма полностью перешла в собственность кредитора.

Скарлыгин разорился, пока был на этой странной, длительной охоте. Даже некоторую мебель из квартиры продали с молотка… Пустить в трубу фирму «Стивал-Карел» за такой срок было не так-то просто, хотя и Хардиков понес круп-

ные убытки за время отсутствия. Об исчезнувшем вертолете, двух пилотах и егере у него, разумеется, спросили сразу же, но по-свойски. И он так же по-свойски рассказал, что благополучно подхватили на борт егеря в Нижних Сволочах, взлетели по направлению к Горячему Урочищу, и тут началась болтанка, так что выпить в воздухе было невозможно. Из горлышка же «новым русским» пить не пристало, и они дважды приземлялись на голые вершины сопок, минут на пять: пилоты двигатели не глушили.

И вот когда пришло время приземлиться в третий раз, командир экипажа забеспокоился – что-то непонятное творилось с приборами, будто зашкаливало или вовсе не работало. Бывший геофизик успокоил, дескать, это магнитная буря, а Хардиков приказал все-таки сесть и, пока выпивают и закусывают, посмотреть машину. Приземлились на лысой сопке, от винтов поднялся высокий столб сухого рыхлого снега, и когда он осел, – двигатель на сей раз выключили, – то все увидели, что со всех сторон к вертолету идут какие-то люди в скафандрах, а, может, и в заиндевевших, обросших куржаком капюшонах – тут мнения расходились.

Снег был глубокий, поэтому людишки казались маленькими, тонули по пояс. Водки на борту было целых полтора ящика – есть чем попотчевать нежданных гостей, так что «новые русские», уже читавшие стихи, компании обрадовались, сами открыли дверь и еще зазывать стали.

А это оказались вовсе не люди – уроды какие-то! Зеленые,

похожие на чертей! Они чем-то брызнули в салон вертолета, как из газового баллона, и все враз полегли, потеряли сознание…

Дальше «новые русские» несли вообще полную чушь, бредятину про летающую тарелку, в которой они потом очутились, про полет на планету Гомос, находящуюся в другой солнечной системе, про открытие внеземной цивилизации и про то, как там устроен мир. Работники прокуратуры и милиции, отлично знавшие Хардикова, не могли поступить с ним грубо и сразу же определять в местную психлечебницу. Его отпустили домой, а разорившегося Скарлыгина с помощью специальной бригады «скорой помощи» отвезли в наркологическое отделение: диагноз был поставлен соответствующий – алкогольный психоз, шизофрения крайней степени, сумеречное состояние. Владелец фирмы «Стивал-Карел» хоть и был по-товарищески предупрежден молчать, что с ним произошло, не послушал советов и созвал пресс-конференцию, где сделал сенсационное заявление. Инцидент получил широчайшую огласку, Хардикова показывали по телевидению, о нем писала вся свободная пресса, начался нездоровый ажиотаж. Но и плевать бы на него: чем бы народ ни тешился, лишь бы не плакал, не ныл, что вовремя не дают зарплаты. Бывший капитан милиции пошел дальше, совершая безумные действия – все свободные деньги в сумме сто пятнадцать тысяч долларов перевел на строительство памятника поэту Рубцову, в магазинах

убрал кассовые аппараты и приказал раздавать обувь бесплатно. Стало ясно, что оставлять его на свободе больше нельзя, а уговорить, подействовать невозможно.

Хардикова снова пригласили в прокуратуру, спровоцировали буйство и увезли в наркологию.

Тимоха не умер, хотя испытал полное ощущение смерти – так, как ее себе и представлял. Очнувшись, он увидел перед собой стерильно чистый, матово-блестящий потолок, набранный из металлических плиток, почувствовал, что руки вытянуты вдоль тела и чем-то привязаны. Сразу же подумал, что это операционная: значит, «сломался» на прыжке, скорее всего, повредил позвоночник. Голову вроде бы ничего не сдавливает, шея работает – значит, черепно-мозговой нет. И слава богу! А то бы ходил потом по деревне, улыбался и фиги показывал, как покровский дурачок Мотя.

Он чуть приподнял голову, еще тяжелую, пьяную после наркоза, – перед глазами закружились какие-то приборы, блестящий металл, мониторы. Похоже, не операционная, а реанимация, где он бывал несколько раз, когда кто-то из десантуры неудачно приземлялся. На душе полегчало – кризис прошел, если очнулся, жить буду! Попробовал шевельнуть позвоночником, двинуть ногой – все двигается, пальцы шевелятся. И пи́сать охота – просто смерть!

Мочиться в штаны десантнику, даже прикованному к постели, было «западло».

Паршивый какой-то, нудно режущий свет быстро утомлял зрение, Тимоха прикрыл глаза и позвал:

– Сестра? Эй, сестрица!

Вокруг была полная тишина, если не считать урчащего звука где-то за головой – видимо, работал холодильник. Конечно, на дворе ночь, и эти сестрицы-сучки либо спят, либо собрались и пьют чай. А ты лежи тут и жди, когда мочевой пузырь лопнет. И ведь еще привязали, курвы!

Он пошевелил запястьем – поддалось, что-то затрещало. Вмиг догадался: распяли липучей лентой. Ну, это тебе не ремень с пряжкой-самозахватом! Через несколько секунд он высвободил правую руку, с левой же просто сдернул завязку и, забыв о позвоночнике, сел…

Сначала обнаружил, что не голый вовсе, как обычно лежат в реанимации, а обряженный в какой-то тоненький, глухой комбинезон из ткани, похожей на серебристый металл. И нет ни гипса, ни повязок! На ногах же высокие ботинки, очень похожие на десантные, только сшитые из какой-то ерунды в виде фольги от сигаретной пачки.

И кровать под ним – вовсе не кровать, а кресло с мягкой, откинутой горизонтально спинкой. Подивиться и осмыслить все увиденное еще не хватало времени да и эмоциональных сил, которые сейчас были прикованы к мочевому пузырю. Мать их так, где тут у них туалет? Хоть бы утку поставили… Он спустился с кресла, и спинка вдруг сама встала вертикально. Пьяно шатаясь, он сделал несколько шагов и на се-

кунду забыл о туалете…

По правую руку от него, точно в таких же креслах, выстроенных вдоль стены, как в «боинге», дрыхла вся группа, все пятеро! Нет лишь пилота Леши и летнаба Дитятева. И помещение реанимационной какое-то вытянутое, округлое, без углов, без окон и дверей, как в сумасшедшем доме. Тимоха потоптался, держась за стеночку, прошел назад, вперед: хрен знает, где этот туалет!

Пока все спят, можно куда-нибудь в угол почирикать, а потом отпереться. И пусть сестрицы промокают тряпками!

Он так и сделал, зайдя за пластиковую тумбу с приборами. Лужа потекла вдоль стены по серебристому рифленому полу в сторону кресел со спящими мужиками – уклон туда был. Испытав облегчение, Тимоха в тот час же вытаращил глаза, предаваясь изумлению. Кипит-твое-молоко! Ну и палата! Не иначе как все побились, может, самолет гробанулся? И всех в Москву привезли, к Склифосовскому. Возили же туда якутскую десантуру после вынужденной посадки, когда мужики и парашюты надеть не успели, переломались. Значит, и их в столицу приперли. Сколько же это без памяти-то был? Дня два?..

Тимоха подобрался к соседнему креслу, где лежал Лобан, одетый точно в такой же комбинезон, потолкал его, оторвал липучки, связывающие руки. Старшой спал, и от него все еще воняло перегаром… Но такого и быть не может! К вечеру всяко бы продышался, перегнал бы сивуху из крови в мо-

чу…

– Стоп! – сказал он, осененный внезапной догадкой.

Их же еще только везли в Москву! На самолете! На санитарном! Вон и гул какой-то за стенкой. А самолет – импортный, не советский, пригнали откуда-нибудь в качестве гуманитарной помощи. И комбинезоны эти, видимо, входят в комплект для перевозки раненых… Но кто же ранен-то здесь? Изломанные парашютисты обычно что утюги – так закатают в гипс, будто живой памятник.

Все лежат красавцами, ни одной повязки, ни шины, ничего! И сон у всех странный, как под наркозом. Иначе бы ворочались, храпели, сопели и чмокали.

В следующий миг Тимохе стало нехорошо, заболело под ложечкой от тоски: вспомнил, что перед тем, как потерял сознание, видел каких-то мужичков в скафандрах под деревом, коротеньких и зеленых. Чего-то они суетились, бегали, как муравьи…

Значит, крыша поехала! Причем у всех сразу. Вся группа накрылась, и везут в какую-нибудь психбольницу. А пристегнули всех, чтоб не буянили, снотворным накачали…

Он сел в свое кресло и чуть не заплакал от жалости к себе. Руки увидел, по-прежнему черные, измазанные родной печной сажей, глубоко въевшейся в кожу.

Дома печь развалена, Ольга матерится, ребятишки в грязи ползают… Куда везут? В какой город? И письма не дадут написать. Говорят, дуракам не разрешают, чтобы домашних

с ума не сводили… У Тимохи началась вдруг такая смертная тоска – лучше бы не приходил в сознание. Лежал бы себе, как вся гвардия лежит, и сопел в две норки. И не думал бы… Домашняя сажа на руках показалась ему такой дорогой, милой сердцу, что он руки к губам поднес и чуть ли не поцеловал. Не надо смывать! – подумал, – пусть хоть эта частичка родимого крова всегда будет с ним. А то ведь все свое содрали, трусов не оставили, в какую-то униформу обрядили, паскуды. Грязь же от домашней печи – это не грязь!

– Погоди-ка, Тимофей! – вслух сказал он и слегка оживился. – Если ты думаешь… Да так складно думаешь, значит, не все потеряно! Дураки-то вовсе не соображают…

Он замолк и огляделся: услышат – скажут, сам с собой базарит. Это первый признак душевного заболевания. Мотя покровский ходит вон и бухтит-бухтит себе под нос.

И руки надо бы отмыть! Отпарить, вытравить всю сажу. Потому что когда ее бережешь, тоже ненормально. Разве умный человек ходит с грязными руками? Разве трясется от умиления над неопрятностью?

Эх, и отмыть нечем! Ни крана, ни раковины. Надо было, когда писал, хоть мочой, что ли… Тимоха поплевал на ладони, потер о комбез – ничуть не посветлело.

Да и чиститься сейчас сидеть, когда летишь хрен знает куда и зачем, признак нездоровый. Вроде, слышал, мания такая есть – мания чистоплотности…

– Тьфу! Мать ее так… Не знаешь, что хорошо, что пло-

хо, – забывшись, выругался он. – Ну ты и влип, Тимоха! Удружил тебе шеф!..

Он снова осекся и огляделся – спят. А чего это он говорит сам о себе, будто со стороны видит? Надо контролировать себя, в руках держать, бороться, если в самом деле небольшой завих случился. Поди, пройдет. Вот же, все вижу, все понимаю правильно, осознаю себя, ориентируюсь в пространстве, по полу хожу – не по стенам. Правда, написал за тумбу, так от нужды! Гады, хоть бы сортир сделали в этой труповозке, буржуи проклятые…

Вообще-то разобраться – почти здоров. Наполеоном себе не кажусь, твердо знаю, что я – Тимофей Трофимович Алейский, парашютист из авиалесоохраны, живу в селе Покровском, имею жену Ольгу и двух девок, Наташку и Олеську. Одной пять, другой четыре года… Сам родился в семидесятом году, третьего декабря, кончил десятилетку, отслужил в Рязанской воздушно-десантной дивизии, пятьдесят семь прыжков сделал…

Да с мозгами-то все в порядке! Никаких сдвигов! «Мороз и солнце, день чудесный! Еще ты дремлешь, друг прелестный. Пора, красавица, проснись!..» Это Пушкин. Семью девять – шестьдесят три. Площадь круга – два пи эр в квадрате. Брат Колька – тракторист, пьет, паразит. Сестра на Украину уехала с мужем и теперь за рубежом оказалась, за границей – ни слуху ни духу. Живая ли?..

Однако в следующий момент взлетевшая было душа снова

оборвалась в пропасть, будто при первом прыжке с аэростата: мужичков-то зеленых видел! В скафандрах бегали… Это труба! Как живые перед глазами стоят. Маленькие, с метр, передвигаются странно, как инвалиды, с раскачкой. Не приснилось же! Видел. А если пришельцев начал видеть – кранты, затягивай кильванты, приехали. Был приступ…

Неожиданно темный большой квадрат на стене вспыхнул голубым и засветился – да телевизор же! Вот пошли титры… Да это же фильм «Белое солнце пустыни»! Ничего сервис. Должно быть, чтоб больные нервы успокаивали.

Федор Сухов шел с чайником по пескам, с бархана на бархан. Сейчас Абдуллу найдет, закопанного по горло, водой напоит… Все помню!

– Тим? Тимошка? – вдруг послышался за спиной слабый голос, заставивший вздрогнуть. Спина заледенела – будто с того света говорят. Не оборачиваться! Не реагировать! Пусть хоть черти лохматые выползут!

– Тимофей, мы где вчера так надрались? Что-то забыл… Кто раскошелился-то?

Фу, блин! Да это же Лобан очнулся! Тимоха резко обернулся – старшой боялся тряхнуть головой, лишь глазами хлопал, как кукла.

– Дай водички, Тима…

– Где я возьму? – проворчал Тимофей. – Водички ему…

– Сходи на колодец… Холодненькой…

– Разбежался!.. Башку-то свою подыми, посмотри, где мы.

– А где мы? В вытрезвителе, что ли?

– Ага! – зловредно протянул он. – В вытрезвителе! Хмелеуборочная подобрала!

– Тебя-то за что?

– Балда, в самолете мы! Летим!

Лобан помолчал, помыслил, предположил:

– Не помню… Меня что, пьяного погрузили? И Дитятев согласился?.. Придется фуфырь поставить…

– Поставишь. Вставай, погляди кругом. Самолет-то не наш. Санборт пригнали, импортный. С телевизором вон.

– А я думаю, что там горит на стене… Куда это нас?

– В дурдом, куда… – Слегка взвинченный тон в общении среди десантуры считался хорошим тоном, ребятишки-то все крутоватые…

Тимоха чувствовал себя уже хозяином положения, эдаким «старожилом» в брюхе урчащего, как холодильник, аппарата. Успел кое-что обдумать, понять…

– Слышь, Тим, – Лобан с трудом сел, – в самом деле, куда летим-то?

– Сказал же – в психбольницу. Куда еще нас?

– Кончай балдеть… Почему?

– Потому что ты – дурак. Напился до чертиков.

Старшой только простонал, попробовал собраться с мыслями – не вышло. Матюгнулся обреченно.

– Тебя сопровождать послали?

– Ну! До Москвы!

– Теперь из летной книжки талоны выстригут, – отчаянно проговорил Лобан. – А мне до пенсии – три года…

– Жрать меньше надо было! – подзадорил Тимоха.

– Слышь, Тимоха, – воющим каким-то, волчьим голосом протянул старшой. – Я ведь и правда чертиков видел. Будто повесился на сосну, а подо мной бегают. Зеленые…

Тимофей незаметно и облегченно перевел дух: значит, не один видел! Вдвоем уже легче, можно биться спиной к спине…

– Рожки-то были? Хвосты?

– Не-а… На них одежа… Как у нас защита. И будто вместо касок гермошлемы. Рожи мерзкие, зеленые…

– Во-во! Белая горячка! – определил Тимоха.

– За чей счет самолет-то наняли? – вдруг спохватился Лобан. – Мне же за такое лечение за всю жизнь не рассчитаться. В Москву! Ничего так… Мог бы в Петрозаводске спокойно подшиться. Или закодироваться. За каким фигом в Москву, Тим?

– Давай поднимать остальных! – распорядился тот. – Хватит дрыхнуть.

– Кого – остальных? – с опаской и не сразу спросил старшой.

– Десантуру. Ты оглядись, оглядись. Вся группа с тобой.

Лобан сполз с кресла, механично переставляя ноги, поплелся по салону. Глазел с любопытством и страхом, как на покойников, и врубался трудно, со скрипом в мозгах.

– Тимоха… А мы все – живые? Или… того?

– Пока я мыслю – я живу! – вспомнил тот. – Великие так говорили. Все. Ничего не мыслю, – признался старшой. – Ладно, меня на психу. Ну еще Азария… Молодняк-то куда? Зачем? Пашка только женился, в рот не берет… Почему, Тимошка? Ну, ты же всегда по трезвяку! Ты-то все помнишь!

– Однозначно, в дурдом! – Тимофей потряс тяжелую богатырскую тушу Азария – бесполезно. Запечатал ему ладонями рот и нос.

– Зачем?..

– Затем, что все тут чертиков видели, маленьких и зелененьких! Вот разбудим и спросим. Буди!

Старшой, как обычно в таких случаях, почувствовал острое желание действовать и руководить.

– Подъем! – заорал он и стащил на пол сначала Шуру, потом Игоря. Растряс, растолкал, полусонных поставил на ноги. Наконец заворочался и замычал Азарий, лишенный кислорода, разлепил глаза. Молодожен Пашка от суеты и голосов проснулся сам, сел, принюхался и вдруг сказал совершенно трезвым, нудноватым голосом:

– Мужики, ну кто опять в штаны наделал? В одной казарме с вами спать невозможно. Опять вонища…

И тут началось – где, почему, зачем? Хлопали глазами, вертели головами, щупали себя, металлические стены, глазки приборов. Тимоха объяснял популярно – кто верил, кто сильно сомневался, а кто и вовсе отрицал, что палата – салон

санитарного самолета.

В том, что видели зеленых мужичков под деревьями, признался один только Азарий.

Рассказал откровенно, без утайки; остальные, включая Тимоху, напрочь отрицали чертей. И терялись в догадках, каким образом угодили в эту камеру без окон и дверей.

А Тимоха-то сразу понял, что зеленых мужичков видели все без исключения! Темнили только по своим соображениям, чтоб за дураков не приняли. Это Лобану с Азарием все равно: они и так были на грани белой горячки – что им не признаваться!

Горлопанили почти час и даже немного развеселились, что хоть и оказались в заднице, но зато всей группой, как на пожаре. Плевать на этих уродцев, что под деревьями чудились!

Потом всем скопом навалились на Тимоху, разобравшись, что он очнулся раньше всех, а может, и вовсе не спал, хитрец-трезвенник.

– Откуда мы здесь взялись? – орали. – Кто сюда посадил? И насколько?

– Пошли вы! Не знаю! – решил не отделяться от коллектива Тимоха. – Меня тоже одели, как вас, обули! И в такое же кресло закопали!

– Мужики! – вдохновился Лобан. – Тимоха – ментяра! Стукач! Давно подозревал! Давно! Почему не пьет никогда?.. Ах ты, козел!

– Ах, падло! – громыхнул Азарий и буром пошел на Тимоху. – Своих корешей заложить? Куму десантуру сдать?!

Он после армии с годик посидел в тюрьме за хулиганку и считался мужиком бывалым и невероятно честным – век воли не видать! И если уж Азарий взорвался и слово молвил – чистая правда…

Тимоха вновь ощущал себя почти здоровым, попятился к стене, вжался спиной, изготовившись драться со всей командой – десант умирает стоя! Что с них взять – дураки же! Толпа во главе с Азарием приблизилась вплотную: кто в каратистской стойке, кто в боксерской, кто выбросил руку, чтоб схватить за шею, как в вольной борьбе. Зека Азарий по-кошачьи держал перед собой руку с двумя растопыренными пальцами – фазы замкну! Тимоха выставил защитный блок и больно ударился локтем о металлическую стенку, замозжило руку, задергало, будто ток пробежал…

Да чего это они, полудурки? Глаза вытаращили, рты разинули… И глаза устремили куда-то мимо Тимохиной головы…

За спиной что-то тихо зажужжало и зашевелилось…

И спиной же он ощутил бесконечную пустоту, открывшуюся сзади…

Как зачарованный, он медленно повернул голову и оцепенел.

Большой сегмент, из которых состояли стенки этой палаты номер шесть, отъехал в сторону. А за ним обнаружился

приличный овальный иллюминатор с выпуклым стеклом.

Где-то на высоте пояса…

За стеклом была звездная чернота ночи. И больше не требовалось ни разборок, ни объяснений, ибо, единожды взглянув в эту бездонную пропасть, все становилось предельно ясно, как божий день.

За бортом медленно плыл открытый космос.

И планета Земля хоть и была далеко, хоть и выглядела не крупнее школьного глобуса, но все еще четко различались на ее поверхности материки и крупные острова, разбросанные в голубом океане…

6

Поспелову очень хотелось увидеть пострадавших «новых русских» воочию, побеседовать с ними, попробовать из полного бреда выстроить хоть какую-нибудь логическую картинку, однако он не имел права раскрываться и вступать в контакты с кем бы то ни было, кроме сотрудников спецслужб, и то под другой фамилией и легендой. В Петрозаводск он якобы прибыл из Москвы для выяснения обстоятельств, связанных с пропавшим вертолетом и объявившимися «новыми русскими». Командированным из главной конторы на местах обычно лишних вопросов не задавали, обходились шифрованным предписанием оказывать всяческое содействие.

Петрозаводские коллеги думали о происшедшем совершенно однозначно, их выводы полностью совпадали с медицинским заключением, но при этом они никак не могли ответить на вопрос, где же вертолет с пилотами и егерем, которого в Нижних Сволочах не оказалось. Строили предположения, что летчики тоже выпили крепко и заснули в вертолете, а охотники спьяну выбрались из машины и отправились искать берлогу. И потерялись. Проснувшись, пилоты полетали, поискали их и не нашли.

Решив, что «новые русские» замерзли где-нибудь в лесу, сговорились с егерем, и, боясь ответственности, – не старых

же русских потеряли, за которых никто не спросит! – перелетели границу с Финляндией и скрылись. В общем, старая песня, слышанная еще от Зарембы.

По другой версии, выдвинутой одним из молодых сотрудников, во время третьей посадки на сопку между «новыми русскими» и пилотами произошел конфликт, потом драка, в результате которой последние были убиты. Вместе сними, возможно, погиб и егерь, а возможно, и нет. Управлять вертолетом никто не умел или он был поврежден от карабинных выстрелов, произведенных в салоне. Поняв впоследствии, что подобное преступление скрыть невозможно – Хардиков это должен отлично понимать, – «новые русские» вместе с егерем, если тот остался жив, замаскировали вертолет в тайге и ушли отсиживаться куда-нибудь в зимовье, пока не прекратится активный поиск. После чего вышли из своего схорона, уничтожили все следы, зарыли или завалили камнями трупы, машину, разработали легенду об инопланетянах, – благо, что слухов о них сейчас хоть пруд пруди, – и с нею явились в свет: если не поверят в сказки, то сочтут сумасшедшими, невменяемыми – какой с них спрос? В эту версию хорошо укладывалось поведение Хардикова, который будто сам стремился попасть в психушку. Да и суть ее казалась более правдоподобной. Егерь, простой деревенский парень, не мог с таким упорством и фантазией разрисовать космические путешествия, мог проболтаться, и потому перед выходом в мир его тоже убрали. Раб и прислужник боль-

ше был не нужен.

Поспелов пожелал лично познакомиться с автором этой версии, однако коллеги заявили, что он в какой-то командировке, почему-то замялись, и Георгий не стал настаивать, решив, что это предположение – их коллективный труд, а сказать прямо об этом нельзя, поскольку на «новых русских» ложится тяжкое обвинение. Однако и такая версия Поспелова не устраивала. Он лично осмотрел сарай на окраине города, который использовался под склад и в котором оказались Хардиков со Скарлыгиным (попасть в него можно было довольно легко, не нарушая замков и печатей), исследовал одежду и оружие охотников и ничего особенного не установил. Да, на унтах и одежде нет следов грязи, такое ощущение, что их носили зимой, по чистому снегу, да трудно ли очистить, отмыть? Ствол карабина Хардикова абсолютно чист, у Скарлыгина – со следами свежего выстрела: подавал сигнал из склада, чтобы привлечь внимание сторожа.

Наконец, он прослушал аудиозапись беседы с Хардиковым и Скарлыгиным их лечащего врача, который по просьбе спецслужб заново расспросил охотников о приключениях.

Оба точно повторяли одну и ту же версию, кое-где удачно дополняли друг друга, причем рассказывали со страстью, взахлеб, вспоминая детали, упущенные во время беседы в прокуратуре. По социальному положению, образу жизни, воспитанию, по психодинамике и эмоциональности они относились к разному типу, а тут трещали, будто зачарован-

ные, будто братья-близнецы, связанные духовно в чреве матери.

Спецслужбы давно занимались пропажей вертолета с охотниками и достаточно хорошо изучили личности всех участников происшествия.

На пятый день пребывания в Петрозаводске Поспелову устроили «свидание» с «новыми русскими»: минут двадцать наблюдал через волчок за каждым. Несчастных уже несколько дней кололи средствами, подавляющими возбудимость, но и при этом они вели себя как-то очарованно, счастливо улыбались и ничуть не переживали свое заточение. Будучи совершенно трезвыми, они читали стихи, и, надо сказать, проникновенно, с глубокими чувствами и пониманием поэтической мысли. Если охотники «косили» под сумасшедших, то делали это гениально…

Нетрудно договориться о манере поведения, расписать все по часам и строго соблюдать правила «игры». Но сохранять одинаково мимику лица, характерно для шизофреников гримасничать, ломать пальцы, закатывать глаза не так-то просто.

Они действительно были больны и находились в тяжелейшем состоянии…

Получалось, что Георгий теряет время. Лучше сейчас выехать с пасекой в Долину Смерти, попробовать проследить на месте курс вертолета, определить возможные сопки, куда садились охотники, и поискать разобранные и зарытые части

машины.

Труд долгий и неблагодарный, но это лучше, чем смотреть на блаженных сквозь волчок, снабженный оптикой.

В последний день Георгий решился рискнуть и пойти на контакт с «новыми русскими». Из Москвы по настоянию жены Хардикова приехал светило-доктор, а с ним увязался какой-то американец, интересующийся фактами контактов с инопланетянами. Доктор, естественно, побеседовал с обоими пациентами, а иностранца пустили только к бывшему капитану, хорошо владеющему английским. К Скарлыгину пошел Поспелов, переодевшись и слегка загримировавшись под американца и прихватив с собой коллегу-«переводчика». На всякий случай беседу устроили в полуосвещенной комнате, где лампа «замыливала» глаза собеседника.

Узнав, что в гости пришел гражданин США, специалист в области уфологии и поиска внеземных цивилизаций, Скарлыгин невероятно обрадовался и стал благодарить президента америки Клинтона за шаги гуманизма и серьезный подход к новейшим наукам в области познания мира и Вселенной, к чему в России всегда относились и относятся наплевательски, а всех свидетелей, очевидцев, тем более вступавших в контакты с инопланетными существами, бросают в психушки и объявляют сумасшедшими. Как и при коммунистах. Около двух часов, заводясь от распиравших душу чувств, бывший геофизик, журналист и предприниматель рассказывал свою эпопею, почти точно повторяя прежние откровения

и разве что добавляя все новые и новые подробности.

По его рассказу, после того как их чем-то усыпили в вертолете, Скарлыгин очнулся уже в недрах космического корабля, одетый в блестящий комбинезон из металлолизированной ткани и привязанный к креслу. Его разбудил Хардиков и сообщил, что, кажется, они влипли в историю, попали либо к наикрутейшим бандитам и сейчас из них начнут выколачивать и выдавливать выкуп, либо пилоты хватили лишка и увезли за границу, возможно, в Швецию, и они сейчас находятся в камере как незаконно въехавшие в страну. Скарлыгин же, после тщательного осмотра помещения, пришел к выводу, что это отсек подводной лодки, где он однажды бывал на экскурсии еще в пионерском возрасте. Хардиков согласился, сообразив, что вертолет заблудился, упал где-нибудь на лед Северного моря и их подобрала субмарина, скорее всего иностранная, потому что все сделано здорово и красиво.

Затем они начали стучать в стены, и тут открылся иллюминатор.

Скарлыгин хорошо разбирался в астрономии и все сразу понял. К тому же вспомнил существ в скафандрах, бредущих к вертолету. Они ничего не испугались, напротив, стали с интересом наблюдать, как выглядит Вселенная, запоминать расположение огромных планет, которые изредка проносились неподалеку, изучать иные солнечные системы; в стену был встроен огромный телеэкран, с которого посто-

янно вещал гид-инопланетянин по имени Роо. Вид у него был неприятный, однако скоро привыкли, как, например, человек привыкает к виду змей, черепах и крокодилов. У них была возможность с ним беседовать, выдавалась немедленно любая справка, ответ на самый сложный вопрос.

Таким образом, через два месяца по земному времени корабль прибыл на планету Гомос. Выйти из отсека было нельзя из-за совершенно иной газовой среды на планете и неприемлемой для человека особой формы энергии. Что-то вроде сильнейшей радиации. Специальный отсек корабля и все системы жизнеобеспечения землян заряжались только в Солнечной системе Земли, и поэтому «новые русские» путешествовали по Гомосу как бы в привычной обстановке своего модуля, который отсоединялся от летательного аппарата и вместо иллюминатора открывался над головой прозрачный купол. Гомос – цветущая планета, чем-то напоминающая природу Канарских островов, там нет мирового океана и суша представляет собой тысячи мелких материков, связанных воздушными дорогами. Форма жизни там не белковая, а кварцевая, образцы которой встречаются и на Земле в виде растений, живущих в гейзерах. Температура воздуха – выше двухсот градусов по Цельсию. Разумных существ несколько видов: кроме людей с зеленым цветом кожи есть голубые и черные, очень похожие на негров. А социальное устройство жизни можно определить как форму построенного коммунизма, где давно уже не помнят и даже

не представляют себе никакого неравенства. Однако никто там не отдыхает, не блаженствует под солнцем, все работают, сколько хотят, не имеют понятия о семье, детей воспитывают в специальных учреждениях. Можно сказать, это общество высочайшего сознания и полной свободы личности.

После экскурсии по Гомосу модуль вновь присоединили к кораблю и полетели на Землю.

– Каким же образом вы оказались внутри склада? – спросил Поспелов через переводчика. – Где приземлился ваш корабль?

– Я сам попросил Роо поместить нас куда-нибудь в нейтральное место, чтобы не шокировать никого, – признался Скарлыгин. – Мы предполагали, что в России нас не поймут.

– Вас перемещали из корабля в беспамятном состоянии?

– Это не беспамятство! – с жаром сказал космический путешественник. – Это необходимый для адаптации сон. Там же иной счет времени! И такое расстояние!.. Если бы не этот специальный сон, мы бы до Гомоса никогда живыми не долетели. Старость съела бы организм за три-четыре дня. Нас как бы законсервировали на время полета, понимаете?

– Разумеется! – серьезно сказал Поспелов. – А скажите: как вы считаете, с какой целью пришельцы с Гомоса устраивали для вас эту экскурсию? Хардиков зафрахтовал космический корабль?

– Даже у Хардикова бы не хватило денег, – не смутился Скарлыгин. – Одно питание чего стоит. В одном тюбике –

все, полный баланс веществ, витаминов. А вкус!

Потрясающий вкус!.. Гомосоны избрали нас для особой миссии.

– Пилоты вертолета и егерь не годились для нее?

– Я тоже спросил об этом Роо… Пилоты наши вообще не годятся для подобных вещей. Гомосоны ищут особое состояние духа и устройство разума. Прежде чем избрать, они снимают информацию, делают что-то наподобие фотографии подсознания. Да, на таком вот уровне.

– Если не секрет, господин Скарлыгин, что это за миссия? В чем заключается?

По поводу миссии «новые русские» раньше и словом не обмолвились. Похоже, скрывали, и Скарлыгин признавался сейчас впервые, видя перед собой специалиста из США.

– Земляне встали на порочный путь, – заявил он. – Человечество в унынии и движется к хаосу. Мы обязаны сказать об этом! Внедрить надежду, что человеческий разум – не единственный во Вселенной, что есть более высокие его формы! И тем самым приостановить заболевание, избавить людей от комплекса исключительности. Мы же – нижайшая форма! Примитив! А как мыслим о себе?! Но по сравнению с гомосонами – пингвины: разучились летать и бродим толпами по льдам. С одной мыслью – набить желудок, накопить жир, чтобы перезимовать и отложить яйца. Все! Нас избрали, чтобы мы донесли это человечеству, внушили ему, что далее нельзя идти по такому пути. Но чтобы просветлить со-

знание землян, бесполезно писать, кричать… Из моих трех профессий самая подлая была – журналист! Мы все время обманываем человечество и гоним его к хаосу! Будь проклят час, когда я взялся за перо!

– Каким же образом можно донести… такую сложную информацию? – спросил Георгий. – Вам открыли способ… новый способ ее передачи?

– Способ старый: душа в душу, без всяких посредников. Только так можно открыть глаза человеку. Вот вы после беседы со мной увидите всю мерзость человеческого бытия и не захотите жить, как пингвин. Впрочем, это меньше всего касается лично вас. Потому что, поверив во внеземной разум, вы уже отказались от земных пороков. Иначе бы не занимались уфологией. Участь народа Америки не так печальна, а вот России!..

Скарлыгин резко замолчал, закаменело, на какое-то время стало неподвижным лицо, и Поспелов увидел слезы, бегущие из-под очков. Он не стал поторапливать, выждал время, позволив собеседнику самому продолжить мысль:

– А вот участь России… плачевна. Хардиков спрашивал их о судьбе нашего народа… Нас ожидает цепь крупных катастроф, в том числе на химических заводах и ядерных объектах. Мы не можем контролировать то, что создали, благодаря детскому сознанию, которое бывает иногда гениальным. И все-таки остается детским. Нельзя доверять чистому ребенку, неопытному существу пользоваться спичками…

Гомосоны очень нежно относятся к России, но помочь ей, спасти ее не в состоянии. У каждого народа своя судьба… У России она светла и печальна. Пришла наша осень, улетели русские птицы счастья на юг. И скоро наступит ядерная зима. Увы, и к этому нам следует привыкнуть. Мы народ-жертва, чтобы спасти все человечество на Земле. Наш пример просветлит сознание всего мира! Потому что нет другого народа, так глубоко чувствующего, с такой сильной и печальной поэзией, с такой безрассудной жаждой к самопожертвованию.

– Что же станет с моей страной? – воспользовавшись паузой, спросил «американец» Поспелов.

Скарлыгин вдруг оживился, в глазах мелькнула надежда:

– Я вас очень прошу! Передайте своему президенту… еще не все потеряно. Пусть действует смелее! Возможно, удастся взять под контроль ядерные вооружения, атомные станции. Мне известно, ваша страна давно вступила в контакт с гомосонами и разрабатывается совместная программа выживания человечества. Возможно, вы об этом не знаете, это сверхсекретная программа. Пусть ваш президент через ЮНЕСКО или еще как-то призовет Россию к покаянию, к смирению! Наш русский гонор сейчас идет во вред, приближает гибель. Настоящий патриот сейчас тот, кто смирит гордыню!

– Это все опять касается России, – слегка надавил Георгий. – Что же будет с моей Америкой?

Скарлыгин вдруг слегка даже озлился, будто гнев промелькнул в глазах:

– Вы особенно тоже не радуйтесь там у себя. Вам тоже достанется! И ваш Клинтон об этом информирован гомосонами.

– Возможно, однако я ничего не знаю! Ведь программа строго засекречена.

– Южная Америка станет жарче Сахары в ближайший десяток лет, – с долей злорадства проговорил Скарлыгин. – А в Северной можно будет жить человеку лишь на территории Канады, и то в ее северной части. Но вы люди предприимчивые, предусмотрительные… Извините, это не гуманно, но я вас тихо презираю в глубине души. Потому что очень люблю Россию. Мою милую Россию и свой безумный народ с детским и чистым сознанием. «Взбегу на холм и упаду в траву. И древностью повеет вдруг из дола! И вдруг картины грозного раздора я в этот миг увижу наяву!..»

Он резко и безудержно заплакал, слезы буквально брызнули из глаз, оросили аккуратную бороду. Скарлыгин сорвал очки, спрятал лицо в руку, согнутую в локте, будто обиженный школьник за партой. Наблюдавший за встречей через специальный волчок врач вбежал в палату с двумя санитарами, которые схватили несчастного за руки. Он стал вырываться, не хотел получать укол.

– Извините, господа, – сказал врач. – Я должен прервать встречу. Сейчас пациент начнет буйствовать. А это зрелище

не из приятных.

Поспелов согласился и покинул палату. Впрочем, и так было все ясно, и оставаться здесь больше не имело смысла…

Безусловно, охотники переживали тяжелую форму шизофрении. Судя по видеозаписи, сделанной во время встречи Хардикова с настоящим американским уфологом, владелец фирмы «Стивал-Карел» находился в таком же состоянии, говорил почти те же слова, высказывал аналогичные просьбы, и даже финал свидания практически повторился.

Хардикову также сделали укол, чтобы предотвратить буйство, вызванное крайним нервным возбуждением и… чтением стихов.

Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!
Пустынно мерцает померкшая звездная люстра,
И лодка моя на речной догнивает мели.

В дополнение версии «молодого сотрудника» можно было добавить следующее: да, так все и случилось. «Новые русские» в ссоре застрелили пилотов и ушли отсиживаться в зимовье, где разработали и отрепетировали спектакль полета на планету Гомос.

Но психика, перегруженная фантазиями и сознанием тяжести совершенного преступления, не выдержала. Они незаметно для себя уверовали в собственный вымысел. Такое

случалось в криминалистической практике, когда преступник заучивал оправдательную версию и начинал верить в искренность плодов собственного воображения. В данном же случае сработал эффект замкнутого пространства в зимовье, полная безвестность, что о них думают в обществе, ищут ли, и повышенная чувствительность к художественному слову, которая обострилась еще в оторванности от мира.

Если говорить языком верующего человека, за смертный грех и нарушение заповеди – не убий! – Господь наказал их, лишив разума и духовного здоровья.

Легко было поверить в эту версию, но в душе у Поспелова после этой командировки в Петрозаводск остался некий сторожок, вызывающий сомнения и ощущение странности изобретенной горе-охотниками фантазии. Конечно, оба начитались в свое время «космических» романов, потом насмотрелись фильмов о звездых войнах и прочей дребедени, от которой можно сойти с ума, не выходя из квартиры. Однако в откровениях «новых русских», действительно любящих поэзию и Россию, сквозил какой-то пораженческий дух, преследовал призрак гибели, катастрофы, что было не характерно для патриотического сознания. Логичнее было бы услышать от них о торжестве русского гения, о будущем процветании России.

Впрочем, какой светило-доктор разберется с человеческой душой и его разумом после Божьего наказания? Что тут искать закономерность и логическую связь? Кстати, врач из

Москвы практически полностью подтвердил диагноз, установленный местными психиатрами.

И все-таки, и все-таки…

Перед отъездом Поспелов попросил коллег достать сборник стихов Николая Рубцова, которого не читал никогда и только слышал когда-то рассказ об убийстве поэта женщиной. В дороге читал, иногда останавливался и неожиданно ощущал какой-то душевный трепет, странную глубокую печаль, способную довести и до слез, однако при этом испытывал радость, толчки эмоционального подъема, взлет и желание жить. И тут же, по дороге, почувствовал определенное родство судеб его и поэта, вспомнив выстрел Нины и неминуемую смерть, если бы не профессиональный навык.

При всем раскладе появление «новых русских» никак не объясняло пропажу боевой машины пехоты с охотниками-офицерами, самолета Ан-2 с десантниками и пограничного вертолета. Предприниматели исчезли в «Бермудском треугольнике» последними и первыми объявились. Это могло говорить лишь о том, что причины исчезновения совершенно разные. Вот если бы с «того света» еще кто-нибудь вернулся и рассказал об инопланетянах! Тогда можно было, как говорят англичане, съесть свою шляпу, бросить работу в спецслужбах и остаться на ферме выращивать поросят.

Поспелов возвращался в Горячее Урочище с полной уверенностью, что там все спокойно: дважды в день, утром и вечером, он выходил с Татьяной на связь с помощью портатив-

ного аппарата космической связи и не отключал его на ночь, оставляя в режиме дежурного приема. И когда приехал, ничего не заметил ни в голосе, ни в глазах «жены»; она откровенно скучала от одиночества и встретила его, как подобает настоящей хозяйке фермы: в рабочем халате, в сапогах, с ведрами с кормом. Но прежде чем уделить внимание мужу, не спеша вылила в корыто, вытерла руки и обняла по-фински холодновато.

– Явился, гулеван! Ну, дали ссуду? Или отказали?

От стихов Рубцова ему казалось, что Татьяна, презрев «легендарные» отношения, вспорхнет ему на руки, обовьет шею, защебечет и заласкается. В конце концов, никто же не стоит в кустах и не подсматривает!

– Дали кредит под семьдесят процентов! – подыграл он. – Живем. Я голодный, корми меня, а не свой свинарник!

– А я сегодня тебя и не ждала! И не варила ничего. Думала, получишь деньги, так дня три еще погуляешь в городе.

– Некогда гулять. Как пчелы?

– Летают твои пчелы, да взятка пока нет.

– Ничего, будет взяток! – пообещал он и пошел в дом.

Вместо еды – а Георгий впрямь проголодался – Татьяна поманила его в потаенную дверь комнаты, где стояла радиоаппаратура, и включила видеопросмотр. Без слов и комментариев.

Съемка была сделана микровидеокамерой, установленной внутри скотного двора. В инфракрасном излучении, дающем

зеленый оттенок, отчетливо просматривалась человеческая фигура. Около минуты она таилась возле стены, затем пробралась к кормушкам, взобралась на перекладину и попыталась поднять доски потолка. Ничего не вышло. Спустилась, прокралась к двери, соединяющей дом и скотник, потянула, убедилась, что дверь заперта изнутри. Ушла к окну с выставленной рамой, выбралась наружу. Раму вставила с улицы. Тут же включилась наружная камера со следящим устройством за движущимся предметом. Человек приблизился к забору, ловко перескочил и направился по склону в сторону от дороги. С земли встал еще один, о чем-то поговорили с минуту и торопливо удалились по клеверному полю. Они пропали из виду, но камера не выключилась, поскольку в зоне ее действия оказалась свинья. Привыкшая жить в лесу, она обладала какими-то собачьими повадками, смотрела вслед ушедшим людям и слушала.

– Почему мне не сообщила об этом в Петрозаводск? – спросил он.

– Не хотела волновать. Ничего же особенного не произошло? – засмеялась она. – Может, это любовник приходил, откуда ты знаешь?

– Два любовника, – поправил Георгий. – Что же не открыла?

– Не стучали! Подлецы…

– Скорее всего, к тебе наведались пришельцы с планеты Гомос, – пошутил он. – Видишь, зелененькие.

– Пришельцы тоже мужчины! – Татьяна уже не дразнила его, а болтала от радости, что он вернулся. – Но это еще не все. Пришельцы были сразу же после твоего отъезда. А вчера ко мне приезжал еще один и потребовал отдать ему свинью с поросятами или деньги. Я отдала деньги, двести пятьдесят тысяч.

– Ворожцов?

– Да, бывший хозяин. Свинья сбежала, когда он перегонял отсюда скот. И он ее искал… И знаешь, запугал меня тут насмерть. Привидениями, бродячими покойниками, которые приходят из Долины Смерти и просят предать их останки земле. Говорит, приходят и наши солдатики, и немцы. В шинелях, с оружием… Тебе страшно?

– А мертвые немцы говорят по-русски? – вместо ответа спросил он.

– Нет, по-немецки! Ворожцов язык знает на уровне школы, так что больше знаками изъяснялись.

– И он хоронил?

– Говорит, по личной инициативе отработал в Долине три дня и похоронил около двадцати скелетов в одной братской могиле. После этого покойники к нему не приходили.

– Это все? – с надеждой спросил Георгий. – Может, теперь покормишь, в баньке попаришь?

– Покормлю, но тебе сейчас будет не до баньки. – Татьяна подала листок из шифроблокнота. – Сегодня утром я приняла вот такой сигнал. По местной связи. Думаю, это любовни-

ца. Так пусть она тебя и парит в баньке.

Это был сигнал от Ромула, требующего немедленной встречи.

7

По заданию Поспелова агент Ромул проводила профилактический осмотр населения двух жилых деревень, расположенных на территории «Бермудского треугольника».

Основную массу жителей составляли старухи и одинокие стареющие женщины, растерявшие мужей своих кто в войну, кто по причине пьянства и болезней, не щадящих почему-то мужскую половину человечества. Изработанные, замордованные бесконечными хлопотами и частым горем женщины практически ничем уже не болели, но показывались фельдшеру с удовольствием и между делом откровенничали по душевной простоте и природной словоохотливости. Поспелова интересовало все относительно Долины Смерти в довоенный период, и старухи по этому поводу давали самую исчерпывающую информацию. Попутно с историей страшного места Ромул выуживала сведения бытового характера, попросту называемые сплетнями.

Одна сплетня показалась агенту любопытной: будто в деревне Шорега к пятидесятилетней женщине Демьянихе приблудился молодой парень, чуть ли не вдвое моложе. Не местный и откуда взялся – неизвестно. На глаза никому не показывается, ведет скрытный образ жизни, и если доведется встретиться кому с ним в лесу, тут же убегает, как зверек. Не охотник, но все время ходит с ружьем по сопкам, что-то

высматривает, вынюхивает, особенно пристально следит за туристами, забредающими сюда, чтобы спуститься по речке на резиновых лодках. Старухи считали, что сожитель Демьянихи чей-то шпион, засланный выведать секреты. Когда он бродит по лесу один, то говорит не по-русски, не по-фински и даже не по-карельски. Чудной какой-то язык, непривычный – в телевизоре такого не слыхали.

Каким образом старухам удалось узнать почти все о «шпионе», оставалось загадкой и еще раз предостерегало Поспелова, что это глухое место имеет повсюду глаза и уши и не следует расслабляться даже у себя дома.

По собственной инициативе Ромул отправилась в Шорегу и провела некоторые разведмероприятия. Деревня имела вид не совсем привычный – около десятка домов стоят кучкой, – остальные же разбросаны хуторами по окрестностям. В одном из них и жила Демьяниха, бывшая колхозная бухгалтерша. Нелюбовь к ней местных жителей можно было объяснить просто ревностью, из-за которой и плели всякую небывальщину. Из ревности же и участковому милиционеру сообщили про сожителя.

Думая, что он беглый заключенный, участковый засады устраивал, внезапно среди ночи появлялся в хуторе, нанимал старух последить за домом Демьянихи и ему сообщить, когда незнакомец появится. Все бесполезно. «Шпион» исчезал, как призрак, а сама хозяйка хуторка будто бы разводила руками и клялась, что живет в одиночестве и поблизости ни

одной мужской души не замечала. Участковый отступился, решив, что бабкам уже чудится.

Целый день Ромул проводила профилактический осмотр и рассчитала так, чтобы остановиться на ночевку в хуторке, соседствующем с Демьянихой. Агенту было всего двадцать восемь лет, однако по причине отсутствия в этих местах полнокровного мужского населения молодая женщина безбоязненно разъезжала по лесам на «Ниве» с красным крестиком. Ночью она хотела пробраться на хутор к Демьянихе и разведать обстановку, однако хуторянка, прослышав о фельдшерице, явилась сама, причем с подарками в виде туеса меда и домашнего масла. И стала зазывать Ромула к себе, доверительно сообщив, что у нее проблемы по женской части. Демьяниха оказалась довольно моложавой особой, подвижной, словоохотливой и с претензией на сельскую интеллигентку. Дескать, что тебе тут у старухи ночевать, к тому же полуглухой?

Поломавшись для приличия, Ромул согласилась – удача была редкая. Дом у Демьянихи был с каменным низом, просторный и добротный, во дворе мотался цепной пес, исходивший злобой.

И в самом доме обстановка была соответствующей – полугородской быт, чистота, старомодные белые чехлы на спинках стульев, вышитые занавески, салфеточки – жилище старой девы. Однако в первую же минуту Ромул обнаружила знак присутствия мужчины в доме – возле умывальника ле-

жал помазок со свежими остатками мыла.

Несмотря на веселость, Демьяниха показалась чем-то сильно обеспокоенной, особенно когда вошли в дом и уселись пить чай. Болтая доверительно о женских делах, она иногда к чему-то прислушивалась, часто и по пустякам убегала на кухню и постепенно завела такой разговор, словно прощупывала фельдшерицу на предмет ее профессиональных способностей, материального достатка, взаимоотношений с мужчинами и умении держать язык за зубами. Создавалось впечатление, будто хуторянка настойчиво пытается сделать из незнакомой молодой женщины свою подружку.

Наконец ближе к полуночи Демьяниха осмелилась и сообщила, что в доме находится ее племянник Миша, которого тяжело ранили какие-то бандиты и вообще пообещали убить и спалить дом, если только он заявит в милицию. Они тут же спустились в полуподвальный каменный этаж, где в небольшой комнате лежал раненый. Пуля попала ему в боковую сторону левого бедра, пробила мягкие ткани и застряла в правом.

Сквозная рана левого выглядела неплохо, но в правом начиналось сильное загноение, опухоль и краснота. Как объяснила Демьяниха, несчастье произошло четыре дня назад, она сама делала перевязку и пыталась выдавить пулю, сидящую возле тазобедренной кости. Похоже, тогда и внесла инфекцию. Корнцанга, специального инструмента для извлечения пуль, в сумке Ромула конечно же не оказалось. Пришлось

доставать обыкновенным пинцетом, предварительно расширив рану. Разумеется, все под местным наркозом. Демьяниха оказалась хорошим ассистентом во время операции, которая длилась вместе с чисткой и обработкой ран около двух часов. Раненый попросил оставить ему пулю на память, и Ромул пообещала, однако вколола ему морфий, усыпила и не выполнила обещания.

Теперь эта пуля лежала на ладони Поспелова. Без всякой экспертизы можно было определить, что выпущена она из американской армейской винтовки М-16. Вместе с пулей лежала микрокассета с пленкой: Ромул сделала несколько фотоснимков раненого «племянника» Миши и «тетки» Демьянихи.

Где и за что Миша нарвался на пулю, оставалось загадкой, разгадать которую и предстояло теперь Ромулу, подрядившейся тайно лечить раненого до полного выздоровления. Сильно смущал вид оружия, весьма редко попадавший в руки бандитов. Поспелов вернулся со встречи с агентом уже под утро и застал Татьяну не в ночной сорочке, а в легком бронежилете и с автоматом в руках. «Жена» храбрилась, пыталась даже смеяться, но вид при этом был напуганный и крайне возбужденный. По ее рассказу, ровно в двенадцать ночи на улице послышался душераздирающий визг, вой, жуткие стоны и мольбы. Татьяна выглянула в окно, потушив лампу, и увидела, что клеверное поле охвачено зеленым сиянием, а по нему бредут скелеты в полуис-

тлевших шинелях и полушубках, в немецких касках и шапках-ушанках, с автоматами и ржавыми трехлинейками. Они шли и кричали на разных языках: просили схоронить их останки в земле, проявить гуманность, избавить их от вечного блуждания и дать покой хоть на том свете. Татьяна вооружилась и, запершись в доме на все засовы, сделанные еще Ворожцовым, не отвечала. Тогда началась страшная стрельба! «Жена» отчетливо видела, как скелеты бьют очередями от живота, стреляют прицельно из винтовок по окнам и стенам дома, но почему-то не вылетело ни одного стекла. Зато треска и грохота было как на войне. После огневого налета скелеты стали опять повторять свои просьбы о милости и грозить, что не дадут спокойно жить, если живые не похоронят мертвых. Потом они развели костры и стали варить пищу в котелках, причем все вместе: русские и немцы.

Сидели группами, ели, пили и снова стреляли. Шабаш этот продолжался до половины четвертого утра, примерно до третьих петухов. Затем солдаты потушили костры, разобрали оружие из пирамид и ушли в сторону Долины Смерти.

Поспелов ощупал лоб Татьяны – температуры не было. Он попытался отвлечь ее, развеселить, но «жена» неожиданно сломалась, бросилась ему на грудь и заплакала, бормоча, что больше никогда не останется на ферме одна.

Кто-то хотел запугать новопоселенцев, причем способом весьма дорогим и оригинальным. Послать ряженую толпу да еще с оружием, чуть ли не четыре часа разыгрывать перед

домом спектакль – удовольствие не дешевое. Поспелов тут же осмотрел стены дома – ни одной пулевой пробоины! Значит, стреляли холостыми.

В «Бермудском треугольнике» начинало пахнуть порохом…

Но странное дело: на клеверном поле не нашлось ни единого следа от толпы скелетов! Ни кострищ, ни остатков одежды – Татьяна рассказывала, будто шинели рассыпались на глазах, – ни одной стреляной гильзы! Тогда Поспелов бросился в потаенную комнату, куда выходил пульт управления охранной сигнализацией.

Обзорная видеокамера в эту ночь включалась дважды – когда Георгий уезжал на встречу с Ромулом и когда возвращался назад. Иных движущихся предметов ни на дороге, ни на подступах к дому, в том числе и на клеверном поле, отмечено не было. Камера срабатывала, даже когда сильный ветер раскачивал куст…

Похоже, у Татьяны сдавали нервы. И это после месяца жизни на ферме. Если так пойдет дальше, придется сворачивать операцию и «продавать» ферму другому «фермеру» или каким-то образом «разводиться» с Татьяной и «жениться» на другой. К примеру, на агенте по кличке Ромул, которая хладнокровно, чуть ли не с помощью кухонного ножа делает довольно сложные операции и не боится одиночества.

Он не стал усугублять ситуацию, и словом не обмолвившись о профессиональных качествах младшего опера, на-

оборот, успокоил, приласкал, напоил чуть ли не насильно валерьянкой, унес на руках в спальню и уложил в постель. И сам заснул рядом, забыв о хозяйстве и непроявленной микропленке, полученной от Ромула.

После сна «жене» заметно полегчало, и она сама сделала предположение, что ночной шабаш скелетов – не что иное, как галлюцинации, вызванные впечатлительностью.

Бывший хозяин фермы вложил в подсознание некий пунктик, загнал страх, рассказывая о приходящих из Долины Смерти непохороненных солдатах. Ночью же, в одиночестве, при «благоприятных» условиях эта бомба взорвалась и неконтролируемое богатое воображение сделало свое дело.

Следовало немедленно пощупать Ворожцова, понять, был ли у него умысел в том, чтобы запугать новых владельцев фермы. Заремба еще зимой делал на него ставки и получил вполне нормальные результаты: бывший главный зоотехник колхоза ни в чем подозрительном не замечен, считался вполне серьезным человеком, хорошим специалистом и мастером на все руки. Были мелкие грешки: когда поделили колхозное имущество, собрал с местных старух их паи, обещав взамен кому отремонтировать дом, кому вообще построить новый, и некоторых обязательств до сих пор не выполнил. Конечно, мог из жалости к своему огромному труду, затраченному на строительство фермы, попугать семейную пару в Горячем Урочище, тем более знал, что «жена» сейчас одна, а хозяин вроде бы уехал в Петрозаводск за ссудой.

Поспелов намеревался в тот же день съездить в Нижние Сволочи, где теперь жил Ворожцов, разобраться с оплатой за свинью – слишком много взял! – и заодно расспросить о покойниках из Долины Смерти. Но когда проявил микропленку и отпечатал пробный снимок, мгновенно забыл о бывшем хозяине фермы…

Агент Ромул сфотографировала и оперировала пилота пропавшего самолета Ан-2 авиалесоохраны Алексея Ситникова.

Для верности Поспелов идентифицировал снимок раненого и имеющийся снимок пилота – агент запечатлела своего тайного пациента изнеможденным болезнью, со страдальческой гримасой, – и установил полное совпадение.

Теперь был еще один человек, у которого можно впрямую спросить, куда пропал самолет и парашютисты. Только не ясно, откуда взялся пилот: вернулся «с того света» или вообще не уходил с этого, поскольку приблудился на хуторе у Демьянихи в тот же год, когда исчез самолет Ан-2. И спросить можно, за что и от кого схлопотал пулю. Не зря бродил по сопкам с ружьем!

Но в лоб не спросишь! Еще неизвестно, что у него с головой: вдруг такой же космический путешественник, как «новые русские». Вся надежда и вся оперативная разработка ложилась сейчас на агента Ромула. Пусть хоть змеей прикинется, пусть в узел завяжется! Пилота Ситникова необходимо разговорить в самое короткое время. Вполне возможно, вся

десантура разбрелась по хуторкам, по вдовушкам и живет себе, в ус не дует. И возможно, между парашютистами и пилотом произошел конфликт, отголоски которого и продырявили альфонса из Шореги. Ходят, ищут друг друга, опасаясь каких-нибудь свидетельских показаний…

Вместо Нижних Сволочей Георгий поехал в Верхние, второй раз в течение суток, причем средь бела дня, что было вовсе нежелательно, однако оставлять Татьяну в одиночестве, хотя бы на два-три дня, было опасно. Чего доброго приедешь, а она объявит, что летала в космос, на какой-нибудь Гомос, где люди живут в построенном коммунистическом обществе…

С Ромулом пришлось разыграть небольшой спектакль прямо в медпункте. Нацеловаться возле приоткрытой двери, за которой, насторожив локаторы, сидела пожилая санитарка, нашептать друг другу всяких нежных и томительных слов, от которых тело охватывало непроизвольное возбуждение, сунуть в трусики письменное задание и маяться, десять раз возвращаясь от порога.

– Ну иди, иди, милый! – с болью и страстью стонала агент Ромул. – У меня столько работы. А вечером еще ехать, в одной деревне тут бабушка заболела. Так что ночью не приезжай…

Вернувшись из Верхних Сволочей, Поспелов подготовил шифрованную депешу Зарембе и отправил по экстренной связи. Татьяна, передавая сообщение, как-то выразительно

посмотрела на Георгия, и он мгновенно вспомнил о своем обещании дать добро на приезд «сына» и «тещи».

Благоприятного времени вроде бы пока не предвиделось, напротив, ситуация становилась все жестче, требовала много времени, но в глазах «жены» угасала надежда; она догадывалась, что события в «Бермудском треугольнике» начинают закручиваться в тугую спираль. Наверное, поэтому и переживала тоску, усиливающуюся от одиночества, тоску материнскую, и не удивительно, что у нее начинались «глюки»…

Поспелов подал ей шифроблокнот:

– Сочиняй сама, у меня фантазии не хватает!

Наверное, она давно уже сочинила текст, перевела его на язык цифр и мысленно передала в эфир. Она старалась сдерживать чувства, но глаза тихо улыбались и ласкали его лицо.

Забытое в хлопотах хозяйство нещадно визжало на улице и требовало пищи. Поспелов с тоскливым вздохом отметил, что на ферме при его «распутной» натуре лучше всего держать пасеку: поставил ульи весной и гуляй себе на здоровье. Пчелы ни есть, ни пить не просят, жужжат себе, да и всё… Но что подумают в народе? Пчеловоды здесь считались больше чудаками, несерьезными людьми, лодырями, а не крепкими хозяевами. Пасеками занимались старухи да редкие дедки. Вот когда у тебя по выгону бродит тучное стадо быков, хороший косяк свиней купается в грязи на дороге и сотни две гусей каждое утро спускаются из хлева на озеро – тогда можно и пчелками побаловаться в свое удовольствие.

Как всегда, они разошлись спать по своим комнатам, и Георгий уже стал придремывать, когда дверь тихо отворилась и на фоне окна возникло белое приведение с подушкой в руках.

– Можно, я буду с тобой? – попросила Татьяна, щекоча губами ухо. Ее грудь выпросталась из-под низкого выреза крестьянской ночной рубашки и коснулась солнечного сплетения…

Мгновенно вспомнился шифроблокнот с коротким сообщением. Он расценил это как проявление благодарности, как обязательную жертву, мзду. Самец крикнул в нем: «Возьми ее! Возьми! Пришла сама, приласкалась, захотела…»

Сжал кулаки, выдавил сквозь стиснутые зубы:

– Я уже сплю…

– Мне страшно одной, – вдруг призналась Татьяна. – Скоро полночь…

Только сейчас он вспомнил о вчерашних ее галлюцинациях, отбросил одеяло, уложил к стенке.

– Теперь не страшно?

– Теперь нет. – Она угнездилась возле плеча, обдавая шею теплым дыханием. – Всю жизнь мечтала спать вот так, под сильной рукой мужа… Вам не понять, какое это счастье.

– И не удалось? – спросил он, стараясь не поддаваться искушениям.

– Почему же… Четырнадцать месяцев жила под рукой.

– А потом?..

– Мужа убили, – как-то просто сказала Татьяна. – Он был немец, наш разведчик, завербованный еще в студенчестве… Сдали свои. Мне удалось бежать на территорию Восточной Германии, семь месяцев беременности…

– Ты была нелегалкой? – не сумел он скрыть удивления.

– Тогда я была просто женой нашего разведчика…

– Как сейчас – моей?

– Да, как сейчас твоей… Судьба, что ли, работать женой? – проговорила она печально и тут же тихо рассмеялась. – И все равно приятно! Знаю, что все не по-настоящему, а приятно. Воображаю себя… Смешно?

В душе сработал сторожок, установленный полковником Зарембой.

– Будем спать?

– Уже засыпаю… твоя сила – это мой покой.

Самец поджал хвост, тихо заскулил и куда-то уполз. Осталось чувство собственного достоинства оттого, что сумел сдержать себя в узде. Она казалась ему сексуальной, энергичной, однако не возбуждала диких неуправляемых порывов, как бывшая жена. Была приятна ее доверчивость, ее уверенность в его силе, способности защитить, заслонить от всех напастей, в том числе от собственных духовных, порожденных тоскующим сознанием.

Он и уснул с этими тщеславными мыслями под ее чуть слышное дыхание.

А проснулся от резкого и острого толчка в бок.

– Хватит спать! Слышишь?

– Что? – Он прислушался, вытер сбежавшую на щеку слюнку.

– Снова визг и вой! Слышишь?!

Непроизвольный озноб окатил горячую, разогретую сном спину.

– Да это же свинья! – в следующий миг догадался он.

– Слушай! Слушай! А голоса? Человеческие голоса…

Сквозь звенящий многоголосый вой и стон прорывался густой гомон, будто галки кричат! Но почему же слышится человеческая речь?..

Он вскочил, натянул спортивные брюки и отвел край шторы на окне…

На клеверном поле брезжил зеленоватый лунный свет, падающий неизвестно с какой стороны. И в зыбком этом мареве качались и мельтешили драные охвостья человеческих фигур. До призраков было метров семьдесят, склон сопки начинался сразу же за дощатым забором, орущие и воющие скелеты брели под горку, к дому, потрясали оружием, кулаками…

Татьяна смотрела из-за плеча, привстав на цыпочки и прижавшись всем телом.

– Точно так, как вчера, – почти спокойно сказала она. – И время…

Видение притягивало взор, чувства и мысли…

Толпа остановилась неподалеку от забора, закричали

вразнобой, по-русски, по-немецки и по-фински:

– Схороните наши останки!

– Прикройте землей!

– Спрячьте наши кости!

– Заройте нас в землю!

Георгий стряхнул оцепенение, отпустил штору, стараясь не брякать шпингалетами, медленно отворил раму.

– Принеси ружье, – попросил он. – В углу, за кроватью.

– Может, автомат? – осторожно предложила она.

– Откуда у фермера автомат?

Татьяна достала помповое ружье, вложила в руки. Поспелов отвел штору стволом: скелеты продолжали орать, только более агрессивно, нетерпимо, готовые, кажется, броситься в атаку.

– Такого я еще не видел, – проговорил Георгий. – Бесовщина какая-то… Ничего не пойму! Камеры не срабатывают?

Татьяна глянула на пульт связи и сигнализации.

– Нет… И вчера тоже…

– Бестелесные существа, привидения… Но смотри, все реально! Можно потрогать рукой…

Колеблющийся зеленоватый свет курился над землей, как туман, скелеты уже бесновались; яростный рев, вой и крики врывались в комнату, резали слух и возбуждали жажду действия.

– А если выйти? – предположил он.

– Нет! – громко зашептала «жена» и вцепилась в руку. –

Не пущу! Не знаю, что это, но не пущу.

– Ну что, попробуем старый казачий способ?

– Мне страшно…

– Оттяни штору, – попросил он и вскинул ружье к плечу. – Затыкай уши.

Георгий бил в толпу, выцеливая ближние, крупные фигуры, без разбора: немцы ли в касках, русские ли в расползающихся рваных полушубках. Никто не валился, не падал, и рев не прекращался ни на мгновение. Едва опустел магазин, как загрохотала ответная стрельба, и Поспелов машинально толкнул Татьяну за косяк, сам прижался спиной к стене. Отчетливо слышался характерный чавкающий треск автоматов со свободным затвором типа «шмайсер» и гулкий, хлесткий бой трехлинейных винтовок. Он выглянул из-за косяка: скелеты поливали дом стволов из пятнадцати.

Зрение схватило странную деталь – оружие в руках призрачных солдат держалось твердо, хотя сами они зыбились, не стояли на месте.

И вдруг зеленое свечение на поле завертелось, увлекая скелеты, дробь выстрелов разом опала, стихли все звуки, за исключением долгого, истошного воя. И под этот вой видение свернулось в зеленый шар, подпрыгнуло над землей и стремительно пропало в небе.

– Ты вчера не стреляла? – присматриваясь к сумеречному клеверному полю, спросил Георгий.

– Нет, побоялась обнаружить себя, – призналась Татья-

на. – Думала, если полезут…

– А надо было пострелять… Видишь, хоть и с опозданием, но удрали. Не видишь, убитых не валяется?

– Вроде бы нет… темно. Сходим посмотрим?

– Давай утром посмотрим? – предложил Георгий. – Стыдно сказать, но мне страшно выходить из дома.

– Вчера мне тоже было страшно, – прижавшись к его спине, проговорила она. – Сегодня нет…

Он отставил ружье и неожиданно вспомнил, что нарушил клятву, данную в Москве: не стрелять, не замечать, не помогать…

– Знаешь, за что меня чуть не уволили? – вглядываясь в темноту, спросил он. – Рок надо мной. На операциях не везло. Подниму оружие – сразу труп…

Спиной ощутил, как ее передернуло от зловещей сути его слов. Притиснулась плотнее…

– Вдруг утром выйдем, а там… Упаси бог!

– Видеокамера не включилась, – успокоила Татьяна. – Значит, на поле нет материального движущегося предмета. Призраки же бестелесные…

– Эх! – пожалел Георгий и хлопнул себя по лбу. – Надо было снять ручной видеокамерой! А я за ружье…

Он затворил окно, плотно задернул шторы.

– Ничего, – успокоила она. – Завтра еще будет ночь…

– Думаешь, каждую ночь станут являться?

– Ворожцов говорил – каждую. Пока не стал ходить в До-

лину Смерти и хоронить кости. Придется и нам… Кирюша может напугаться. Да и мама тоже…

– Если ума не хватит разобраться – пойдем хоронить, – твердо заявил Поспелов. – Интересно, а почему покойнички до вчерашней ночи не являлись? Стоило Ворожцову предупредить тебя, как они тут как тут. Может, он и покойничков предупредил? Завтра же спрошу! И завтра же куплю собаку. За любые деньги. Нет, даже двух! Говорят, собаки чувствуют нечистую силу. Кавказских овчарок! Что-то не верю я ни камерам, ни приборам.

Он долго не мог уснуть, отгонял навязчивый зеленый свет, зафиксированный зрением, прислушивался, но во всей Вселенной слышалось лишь тихое дыхание женщины возле плеча. Георгию почудилось, что она тоже не спит, возбужденная мыслями о сыне.

– Если кому-то вздумалось нас пугать, – вполголоса сказал он, – то в чем смысл? Чтобы мы кости прибирали в Долине Смерти? Или чтобы носа не высовывали с фермы?.. Не понимаю. И как можно вообще устроить такой шабаш? Театр теней… Выйдем завтра, а там…

Она не слышала и ни на миг не прервала легкого дыхания…

Утром на клеверном поле, в двенадцати метрах от забора была обнаружена простреленная ржавая немецкая каска. И не требовалось никакой особой экспертизы, чтобы установить, что пробоина совершенно свежая и оставлена свинцо-

вой ружейной пулей…

Планета Земля оставалась за бортом и медленно превращалась в голубую звезду, скоро потерявшуюся среди других больших и малых звезд…

После долгого, цепенящего страха пришло тихое ошеломление, отнявшее слух и дар речи. Даже для десантуры, привыкшей к небу, к полетам, к прыжкам, пожарам и прочим экстремальным ситуациям, осмыслить себя в космическом пространстве было невероятно трудно. Все походило на сон, на массовую галлюцинацию или уж на чью-то злую, дурную шутку. Мужики таращились в иллюминатор, трясли головами, расходились молча по своим местам, однако возвращались снова – за толстым стеклом ничего не менялось, если не считать, что в рябой от звезд черноте не только медленно угасала и отдалялась Земля, но и лучистое солнце подергивалось мутной дымкой, словно от большого пожара.

Драчливая, занозистая, вечно подзадоривающая друг друга десантура вдруг утратила веселость и впала в уныние, молчаливое и самоуглубленное. Один Азарий продолжал смотреть в иллюминатор, будто в окно вагона, и глаза его только разгорались.

Обычно немногословный, он неожиданно разразился длинной для него речью:

– Сколько веков воду мутили!.. Глотки рвали, мужиков на кострах жгли. А Земля-то – круглая! И вертится. И все

в космосе круглое, и все вертится. Да, человек – тупая скотина, злобная. Говорят, Бог создал по образу и подобию… Может и так, только не по своему. Нет ничего в человеке божественного.

Внезапное это откровение, произнесенное в полной тишине, вдруг развязало языки и чувства мужиков. В отсеке поднялся густой, многоголосый мат: проклинали всё, от летнаба Дитятева до Вселенной и инопланетян, которые, по всей видимости, затащили десантуру на свой корабль в беспамятном состоянии. Впечатление у десантуры сложилось сразу определенное: команду попросту похитили, чтобы ставить эксперименты. Вспомнили, что люди в этом районе пропадают уже не первый раз и никто еще назад не возвращался и что это дело рук пришельцев из космоса.

– Не знаю, что тут шуметь? – вдруг спохватился старший группы Лобан, хотя орал и матерился громче всех. – Мы с Азарием видели этих пришельцев. А вы кричите – чертики! Никакие не чертики, обыкновенные гуманоиды. А то – «с перепоя, почудилось»!

Мужики переглянулись, Тимоха мгновенно сориентировался:

– Между прочим, я их первый увидел. Первый прыгал и первый увидел. И Дитятеву по рации доложил: вижу гуманоидов!

Шура с Игорем, а потом и Пашка тут же немедленно признались, что тоже не слепые были и рассмотрели как следу-

ет и самих человечков, и космическую одежду, и даже то, что один зелененький был женщиной. На что справедливый Азарий заметил:

– Ну и козлы вы! Нас с Лобаном алкоголиками выставить, психами?.. Ну и десантура пошла, товарищей своих вломить – хлебом не корми!

Тимоха попытался сгладить противоречия и не допускать скандала:

– Что теперь разборки устраивать? Дело прошлое, это все на Земле было. Надо мозгами пораскинуть, что делать будем. И что с нами они сделают.

– Да ничего не сделают! – заверил Лобан. – Они же – гуманоиды, значит, гуманные, добрые.

С ним почти все согласились, потому что в газетах об этом много писали и называли гуманоидов даже спасателями планеты Земля, которые никогда не допустят ядерной войны. И вообще о пришельцах никогда не слыхать было дурного слова.

Разве что попы считали их либо выдумкой, либо порождением дьявола, но попам пока в России не особенно-то верили, полагаясь на правду в телевизоре.

Вывод Лобана на короткое время чуть успокоил десантуру, немного прояснило относительно будущего. Молодожен Пашка, в обсуждении не принимавший участия, слегка подпортил настроение и переключил внимание на летнаба Дитятева.

– Чего же он, скотина? Получил от Тимохи сигнал про пришельцев, а нас все равно выпустил? Выпустил, а сам на борту смылся, гад!

– Да, брат, худо дело у тебя, – подначил его Тимоха. – Ты здесь, а шеф на Земле. И наверно, спит сейчас с твоей молодой женой!

– Заткнись! – огрызнулся Пашка. – У самого печка осталась разобранная!

К чему это он сказал, никто не понял. Но Тимохина подколка заметно оживила десантуру, влила новый глоток отрезвляющего напитка.

– Екарный бабай, мужики! – вдруг взвинтился от восхищения Лобан. – Мы ж теперь – космонавты! Да не просто вокруг Земли мотаемся, а летим хрен знает куда! Может, в другую галактику. Нам же потом должны по ордену дать!

– Орден сутулого тебе дадут, – урезал его восторг рассудительный Азарий. – Была нужда болтаться в этом космосе. И неизвестно, когда на базу вернешься. Ни покурить, ни выпить!..

– Да, пожрать бы не мешало! – заметил Лобан. – Интересно, сами они едят? И если едят, сколько раз в сутки?

– Они, может, вообще электронные! – мотнул головой Тимоха. – Роботы какие-нибудь. Вот и дадут тебе вольт триста восемьдесят на обед!

– Да они же – гуманоиды! – возразил старшой. – Гляди вон, кино наше крутят. Значит, все предусмотрели. Уж по-

жрать дадут наверняка. Только когда – вот вопрос!

Шура с Игорьком в обсуждении активного участия, по земным меркам, не принимали, чтобы не нарваться: мол, зеленые еще, чтобы вякать. А Паша хоть уже и имел право, но, видно, переживал за молодую жену и помалкивал.

– Надо постучать, пусть открывают кормушки! – сказал опытный Азарий, по-прежнему глядя в иллюминатор. – И правда бы поесть. С утра маковой росинки…

И тут неожиданно в разговор вступил зеленый Шура:

– Мужики… Я, конечно, дико извиняюсь. Но вы себя со стороны бы послушали. О чем вы говорите?! Вслушайтесь!

– Вы же с ума сходите! – поддержал его Игорь. – С нами происходит страшное! Невероятные вещи творятся! Это же не поддается… здравому рассудку!

– Даже если мы вернемся… – чуть не плакал и крепился Шура, – нас всех упрячут на психу. Спета наша песенка, ребята… А вы – про еду, про вино.

– Нам ни в коем случае не нужно верить в то, что происходит, – заключил Шура. – Пусть считается сон. Проснемся – все пройдет сразу. И если когда вернемся… назад, придется молчать до самой смерти.

– А вы чему радуетесь? – спросил Игорь. – Чему вы…

Договорить он не успел, потому что на глазах у всех возле каждого кресла что-то зажужжало и от стены медленно отвалились шесть сегментов, на каждом из которых лежало по большому пластмассовому тубу с двумя поменьше размером

в тюбик с зубной пастой.

– Это жратва! – мгновенно определил Лобан, схватив со своего стола туб побольше. – Ешкин кот, вот это ненавязчивый сервис!

Он скрутил крышку и потянул ко рту, но Азарий рявкнул:

– Положи, дура! Накормят чем-нибудь – с параши не слезешь… Эй, вы, со здравым рассудком! Ну-ка взяли и попробовали.

Молодяшки стояли, молчали мрачно.

– Кому было сказано? – прикрикнул старшой.

– Вы тут свои земные зековские законы не устанавливайте, – осмелел Шура.

– Между прочим, мы в космосе, – поддержал Игорь. – И порядки должны быть соответствующие.

– Кому не нравятся земные законы, я сейчас того выпущу в открытый космос, – с присущей ему убедительностью пообещал Азарий, даже на секунду не отрываясь от иллюминатора.

– Сам пробу сниму, – заявил Тимоха, снимая конфликт. – Я один раз с голодухи прошлогоднюю сохачью шкуру сжевал – хоть бы что.

Он понюхал из туба, выдавил на ладонь зеленой густой слизи, протер между пальцами, наконец лизнул. Десантура смотрела с пристрастным любопытством и опаской, как на самоубийцу. Тимоха запрокинул голову и даванул из туба себе в рот, почмокал – что-то будто не понял.

– Эй, ну? – не сдержался Лобан. – Как? Как оно?

– Есть эту заразу невозможно, – трагически заключил испытатель. – Хуже гнилой шкуры. Трава травой. Хоть бы кусочек мяса положили, сволочи! Ведь десантуру на свой борт взяли, не вегетарианцев.

– На что хоть похоже? – побаивался еще Лобан. – По вкусу? Пахнет, как ранешная ливерная колбаса…

Тимоха вдавил в рот порцию побольше.

– Если бы как ливерная! – мечтательно произнес с гадливым выражением лица. – А то как… дерьмо. Или голландская тушенка по три восемьсот.

– Я дерьмо не пробовал! – мгновенно отказался старшой.

– Сейчас наешься, – посулил Тимоха. – На всякий случай, мужики, ищите дверь в сортир.

Избавленные от опытов Шура с Игорем стали щупать и простукивать стены, за ними бросились в розыски все остальные, кроме Азария. Если приспичит, а туалета нет, это что же будет на борту?! На Земле потом вспомнить будет стыдно. Это же не Ан-2, тут на лету дверь не откроешь и не повисишь в свое удовольствие, как летучая мышь…

Сортира не было! Видно, после марсианской этой пищи он и не нужен вовсе, может, перерабатывается без остатка, но от земного-то груза как избавиться? А мужиков между тем давно уже всех приперло, и каждый боялся опарафиниться на людях – на Земле потом, сволочи, житья не дадут, приколами забодают!

Даже Азарий не сдержался, громыхнул в стену:

– Парашу давай, начальник! А то ваше дерьмо жрать не будем!

На экране телевизора между тем тоже показывали обед: толстый таможенник никак не хотел есть черную икру ложкой и просил хлеба – те же проблемы, что в космосе…

Гуманоиды почему-то никак не хотели проявлять свою расписанную в газетах гуманность.

Тимоха тем временем доел содержимое большого туба и переключился на маленькие.

– Ну и гадость! – кряхтел. – Сопли! Самые натуральные!

– А у нас в «мабуте» тридцать банок тушенки осталось, – тоскливо протянул голодный Лобан. – Она хоть и китайская, да все-таки земная.

– В принципе, и к такой пище можно привыкнуть, – сыто рыгая, сообщил Тимоха и уселся в кресло. – Помаешься года три и привыкнешь. Голландское дерьмо же кушаем, ничего…

И подскочил вдруг, будто его снизу шилом кольнуло.

Сиденье кресла раздвинулось, и обнажился серебристый металлический унитаз, встроенный в единственную толстую ножку.

– Говорю же – сервис! – вдохновился Лобан и набросился на свои тюбики. За ним вся десантура, и ждать не стали, когда пройдут два часа и у Тимохи пойдет процесс.

Космическую жратву умяли в минуту – жевать-то не надо.

И оказалось не так уж плохо, как утверждал испытатель. Тут же расселись по креслам, приготовились на всякий случай. Один Азарий, словно часовой на посту, остался у иллюминатора, любуясь звездами и бесконечным пространством.

– Ешь, звездочет! – предложил Лобан. – Да закрой эту дыру на фиг! Когда ее не видно, вроде и жить можно.

Азарий даже взглядом его не удостоил. Между тем обед и индивидуальные сортиры подняли тонус команды на знакомый послеобеденный уровень: кое-кто уже и дрыхнуть изготовился, откинувшись на спинку, которая тут же норовила принять горизонтальное положение, едва коснешься головой. Старшой балагурил:

– Вообще-то кайф, мужики. Чего бы мы сейчас на Земле сидели? Там пахать надо, все дорого. Тут сплошная халява. Там дома бабы пилят, ребятишки орут… Кстати о бабах. Может, оно того? Может, после обеда из этого кресла девку подадут?

– Губенку-то закатай, – проворчал Тимоха. – Людка твоя узнает – головенку-то тебе смахнет. Не смотри, что в космосе.

– Да хоть электронную, хрен с ней, – согласился Лобан. – Главное, чтоб как живая была. За электронную-то не смахнет.

– А если гуманоидку подсунут? – с опаской и серьезно предположил молодожен Пашка. – При таком сервисе могут… А они же, сами видали, уроды. Вместо носов грибы

какие-то.

Я не смогу. Психологический барьер у меня.

– Мне же по фигу! – расхрабрился как всегда старшой, когда дело касалось женщин. – У тебя, Павло, опыта мало еще. Известно же, баб некрасивых не бывает. Бывает мало водки. Мне б сейчас стакан с рубчиком налили, я бы с самой жуткой гуманоидкой поспал.

На экране телевизора Федор Сухов делал перекличку женщин Востока, отчего десантура мечтательно соловела.

– Азарий, ты, правда, закрой это окошко, – попросил Тимоха. – Неуютно как-то, будто черным сквозняком тянет.

– Перетопчешься, – буркнул тот.

– Вот, опять воровские правила, – заметил Шура. – Давай голосовать. Кто за то, чтобы иллюминатор закрыть?

И поднял руку. Но здесь Лобан аж подскочил, хотя унитаз под ним был давно открыт.

– Кончайте вы!.. Я же понял! Понял, зачем нас гуманоиды с Земли выкрали! Понял, японский ты бог!

– Ну? – проявил интерес Азарий.

– Загну! – светился от озарения старшой. – Какая ответственность на нас ложится, мужики? Да мы же самые… Вот это удача! Но и ответственность. Я чуял, они за нами давно охотились. Изучали нас, качество проверяли. Потому что на такое дело каких попало мужиков брать нельзя. Мы же все как на подбор! Что физически, что по развитию…

– Да говори ты! Салабон! – не сдержался Азарий.

– А вы не догадываетесь? – издевался старшой. – Никто не догадывается?.. Это ж как два пальца! Какие они уроды – все видели? Натуральные выродженцы! На рожах написано.

– И что? – даже Тимоха не стерпел.

– Нас взяли, чтобы породу ихнюю улучшить! – торжественно объявил Лобан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.